

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

2' 2021

Фрагмент картины П. Клее. *Angelus Novus*

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2021. Том 13. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2021. Volume 13. No. 2

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2002 г.
Выходит 4 раза в год

2021. Том 13. № 2
DOI: 10.19181/inter.2021.13.2

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	А. Д. Говорова
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2021
© Interaction. Interview. Interpretation, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель центра, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), drobizheva@yandex.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, врио директора, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Deputy Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Leocadia M. DROBIZHEVA — Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), drobizheva@yandex.ru

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiaraskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Теоретические дискурсы и дискуссии	8
<i>Полина Ваневская</i> Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований	8
Смыслы мест и места смыслов	27
<i>Константин Галкин</i> Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей	27
<i>Андрей Старовойтенко</i> Месть postos: о значении места в исследованиях ностальгии	41
Полевые исследования	54
<i>Ирина Писаренко, Людмила Заиченко</i> Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей	54
Исследовательская рефлексия	81
<i>Марина Александрова</i> Методы классификации текстовых данных: можно ли потенциал количественного анализа использовать в качественном исследовании?	81
ИНТЕР-энциклопедия качественных методов	97
<i>Анна Стрельникова</i> ИНТЕР-энциклопедия: биографическая прогулка	97

Contents

Editor's Letter	7
Theoretical discourses and debates	8
<i>Polina Vanevskaia</i> Sensory Ethnography as a Methodological Resource for Qualitative Research	8
Meanings of spaces and spaces of meanings	27
<i>Konstantin Galkin</i> Limited Space: Elderly People's Meanings of the City in the Time of Pandemic.....	27
<i>Andrey Starovoitenko</i> The Revenge of Nostos: On Place in Nostalgia Studies.....	41
Field work research	54
<i>Irina Pisarenko, Liudmila Zaichenko</i> Parents as Agents of Influence on Children's Digital Skills Development.....	54
Research Reflection	81
<i>Marina Aleksandrova</i> Classification in Text Data: Can the Potential of Quantitative Analysis Be Applied to Qualitative Research?.....	81
INTER-Encyclopedia of Qualitative Methods	97
<i>Anna Strelnikova</i> INTER-Encyclopedia: Biographical Walking.....	97

Письмо редактора

Статьи летнего номера журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» объединяет, пожалуй, идея «дополнительного вклада» — теоретического, методического или эмпирического — для переосмысления и более глубокого анализа выбранной темы. Читателей ждет текст о потенциале сенсорной этнографии в качественных исследованиях (П. Ваневская), где автор анализирует теоретические истоки сенсорного поворота в социогуманитарном знании и рассуждает о дополнительном включении сенсорных аспектов повседневности в исследовательские дизайны. В рубрике «ИНТЕР-энциклопедия» размещено описание метода биографической прогулки, которая изначально представлялась мне как автору не просто взаимодополнением интервью и наблюдения, но скорее переопределением формата работы с воспоминаниями или восприятием повседневности, где, конечно, тоже есть место для обогащения анализа данных сенсорными аспектами.

В новой рубрике «Смыслы мест и места смыслов» встретились два текста о пространстве и его восприятии. В интеллектуальном эссе А. Старовойтенко предлагается дополнить и уточнить понимание и измерение ностальгии через привязку к пространственно-территориальным аспектам воспоминаний, то есть рассматривать место-ориентированную ностальгию в противовес время-ориентированной. А К. Галкин на материалах эмпирического исследования анализирует смыслы городского пространства в период пандемии.

В разделе методической рефлексии представлена работа М. Александровой о том, можно ли «сугубо количественный» интеллектуальный анализ текстовых данных применить в качественном исследовании. Автор рассматривает ряд метрик, адаптированных для текстового анализа в социальных науках, приводит примеры, которые могут помочь исследователю-социологу разобраться, на какую из них стоит обращать внимание в зависимости от поставленной задачи.

Также в номере предлагается статья по результатам эмпирического исследования, посвященного многоаспектной роли родителей на пути к освоению детьми цифровых компетенций (И. Писаренко, Л. Заиченко).

Желаем приятного и продуктивного чтения!

А. Стрельникова,
ответственный редактор номера

Теоретические дискурсы и дискуссии

Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований

DOI: [10.19181/inter.2021.13.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.1)

Ссылка для цитирования:

Ваневская П. Н. Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.1>

For citation:

Vanevskaia P. N. (2021) Sensory Ethnography as a Methodological Resource for Qualitative Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.1>

Ваневская Полина Николаевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: p.vanevskaia@mail.ru

В статье проблематизируется возможность включения сенсорной этнографии в методологический арсенал качественных социологических исследований. Для обоснования тезиса о такой возможности автор анализирует теоретические истоки сенсорного поворота в социогуманитарном знании в целом и реконструирует рецепцию этого поворота в культурной антропологии и социологии. Формирование подхода сенсорной этнографии рассматривается как одно из методологических последствий сенсорного поворота и сопутствующего ему расширения исследовательской оптики. Тенденция к смещению фокуса в сторону сферы чувственного опыта и, как следствие, включению сенсорного аспекта повседневной жизни в исследовательские дизайны становится стимулом для развития новых методологических подходов, одним из которых может стать сенсорная этнография.

Ключевые слова: сенсорный поворот; антропология чувств; социология чувств; сенсорная этнография; качественные методы

Институционализация сенсорного поворота в социальных и гуманитарных науках берет начало во второй половине 1980-х годов. В ряде локальных

академических сообществ (в Канаде, США, Великобритании и др.) она приводит к успешному производству знания о социальных и культурных аспектах чувственного опыта человека. Исследования сенсорного опыта (*sensory studies*)¹ представляют собой междисциплинарную область, знание о существовании которой на данный момент недостаточно активно распространено в русскоязычной академической среде. При этом в последнее десятилетие прослеживается рост интереса российских исследователей к включению интерпретации социальных и культурных смыслов сенсорного опыта в дизайн качественных социологических исследований (см., например, [Возьянов, 2014; Богданова, 2017; Запорожец, 2017; Стрельникова, 2020]). Несмотря на постепенное формирование пула ориентиров для сенсорного поворота в отечественном социогуманитарном знании, на данный момент в русскоязычном академическом дискурсе не были артикулированы базовые исследовательские инструменты, составляющие методологический арсенал исследований сенсорного опыта и его роли в процессах конструирования и упорядочивания социальной реальности. В связи с этим в данной статье делается шаг в направлении развития концептуализации методов и техник сбора данных в социальных исследованиях, сфокусированных на сенсорном аспекте повседневного опыта. Цель статьи состоит в реконструировании теоретико-методологических оснований сенсорной этнографии (*sensory ethnography*) и обосновании возможности включения этого подхода в методологический арсенал качественных социологических исследований.

Sensory studies и теоретические истоки сенсорного поворота

В 2006 году был опубликован первый номер журнала “*The Senses and Society*”, авторами предисловия к которому выступили социальные ученые Майкл Булл, Пол Гилрой, Дэвид Хоуз и Дуглас Кан. Манифестируя формирование новой исследовательской области, авторский коллектив артикулировал положение сенсорного опыта в контексте социальной жизни: «Чувства опосредуют отношения между самосознающим индивидом и обществом, разумом и телом, идеей и объектом. *Чувства повсюду*. Таким образом, чувственный опыт (как противоположность репрезентациям в различных медиа, хотя и включающая их в себя) является фундаментальным для нашего опыта реальности, а социальность ощущений требует более согласованного внимания исследователей культуры» [Bull et al., 2006: 5, курсив авторов]. Сенсорные исследования стремятся к наиболее продуктивной реализации своего эвристического потенциала путем синтеза познавательных ресурсов различных дисциплин — в частности, социологии и социальной/культурной антропологии. Так, теоретический арсенал социальных наук становится инструментом

¹ Sensory Studies. URL: <http://www.sensorystudies.org> (дата обращения: 10.05.2021).

для настройки исследовательской оптики, позволяющей сфокусироваться на социокультурном измерении сенсорного опыта.

Хотя институционализация сенсорных исследований пришла на последнюю четверть XX века, истоки сенсорного поворота можно обнаружить в работах теоретиков Торонтской школы коммуникации 1960-х годов — Герберта М. Маклюэна и его коллег. Теория медиа Маклюэна, базирующаяся на допущении, что коммуникационные технологии определяют мышление и образ жизни общества, позволила обратить внимание исследователей на сенсорный аспект коммуникации и сенсорное измерение культуры в целом, так как одним из ключевых фокусов работ Маклюэна был переход от аудиального модуса восприятия реальности человеком бесписьменного общества к визуальному, характерному для обществ с развитой письменностью и печатью. Маклюэн подчеркивал, что «фонетическое письмо создает условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный и дарит ему *глаз вместо уха*» [Маклюэн, 2004: 40, курсив мой]. Более широкий теоретический разворот этот тезис получил в работах другого представителя Торонтской школы — Уолтера Дж. Онга, значительным вкладом которого в сенсорный поворот является введение понятия *сенсориума* и определение его диалектической связи с культурой как целым. Согласно У. Онгу, исследователи могут «осмыслять культуру с точки зрения организации сенсориума. Под сенсориумом мы понимаем весь сенсорный аппарат как операционный комплекс. Различия в культурах <...> можно рассматривать как различия в сенсориуме, организация которого частично определяется культурой, но в то же время и создает культуру» [Ong, 1967: 6]. Сформированная У. Онгом теоретическая оптика позволила увидеть связь между сферой сенсорного опыта и ее символическим измерением, то есть культурой, и получила активную рецепцию среди канадских социальных и культурных антропологов, впоследствии назвавших У. Онга «прототеоретиком антропологии чувств» [Classen, 1997: 405].

Сенсорный поворот в культурной антропологии

Отправной точкой институционализации антропологии чувств (the anthropology of the senses) как исследовательской области можно считать 1987 год, когда канадский антрополог Дэвид Хоуз и его коллеги получили грант Совета по социальным и гуманитарным исследованиям Канады на реализацию проекта «Разнообразие сенсорного опыта», по завершении которого в 1991 году был опубликован сборник академических статей с таким же названием [Howes, 1991]. Стоит отметить, что, хотя представители антропологии чувств всячески подчеркивают значимость вклада теоретиков медиа в осмысление культурной составляющей сенсорного опыта, в сторону некоторых аспектов работ Маклюэна и его коллег были высказаны критические замечания. В частности, отмечается, что «прототеоретики антропологии чувств» были сфокусированы преимущественно на противопоставлении

зрения и слуха, которое, в свою очередь, допускает деление культур только на визуальные и аудиальные и тем самым сужает спектр познавательных возможностей сенсорных исследований, элиминируя другие аспекты сенсорного опыта — запах, вкус и тактильные ощущения [Howes, 1991; Classen, 1997]. Одной из ключевых целей антропологии чувств стало преодоление этих ограничений и расширение исследовательской оптики.

Предметную область антропологии чувств составляет вариативность паттернов чувственного восприятия в различных культурах, различающихся по символическому содержанию того или иного модуса [Howes, 1991] — зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса, — и степени его значимости для социальной организации. Так, в антропологии чувств символическая составляющая сенсорного опыта рассматривается в непосредственной связи с социальной структурой, ценностями, поведенческими нормами и другими формами репрезентации культурных смыслов. Проблемное поле исследований, проводимых на заре становления новой дисциплины, формировалось в тесной связи со стремлениями социальных и культурных антропологов заполнить лауну в научном знании о специфике сенсорного порядка и паттернов сенсорного восприятия «незападных» культур. Такой ракурс был обусловлен рефлексивным подходом исследователей к доминирующему в «западной» культуре зрительному, или визуальному, модусу чувственного восприятия окружающей действительности. При этом такая антропологическая рефлексия «западного» окуляроцентризма была инспирирована идеями Маклюэна и, по большей части, Онга. В связи с этим для антропологии чувств особую значимость представляет тезис, что «только путем развития строгого осознания визуальных и текстовых предубеждений западной эпистемы мы можем надеяться понять, как проживают жизнь в других культурных условиях» [Howes, 1991: 3].

Ретроспектива антропологии чувств

Истоки антропологии чувств также обнаруживаются в ряде исследований американских культурных антропологов, работавших с сенсорными данными до этапа институционализации дисциплины. Например, Энтони Сигер проводил исследования среди народа суя, проживающего в регионе Мату-Гросу в центральной части Бразилии [Seeger, 1975, 1981]. Результаты работы антрополога привели к выявлению роли разных аспектов сенсорного опыта в структурировании гендерной иерархии и поведенческих норм сообщества. У суя существует собственная иерархия чувств, или сенсорный порядок, в котором наибольшей социальной значимостью обладают речь и слух, а наименьшей — зрение, ассоциируемое с колдовством. Уши являются для суя основным инструментом познания мира, а потому полностью социализированным членом племени считается человек, который «ясно слышит, понимает и знает» [Seeger, 1981, цит. по: Howes, 1991: 178]. Сенсорная иерархия суя находит выражение в практиках украшения тела: специальные круглые диски, вставляемые в проколы губ и ушей, призваны символически подчеркнуть социальную значимость речи и слуха.

Хрестоматийной для ранней антропологии чувств является работа Стивена Фельда о роли звуков традиционных барабанов в социальной организации жизни племен народа калули в Папуа — Новой Гвинее [Feld, 1990]. Калули — еще один пример бесписьменного общества, для которого базовым сенсорным модусом выступает слух. Согласно Фельду, калули используют барабаны в ритуальных церемониях, а извлекаемый с помощью этих инструментов звук наделяется эстетическим, эмоциональным и социальным содержанием — производство звука становится коммуникативным действием. Авторский подход Фельда к исследовательскому дизайну состоял в том, что антрополог анализировал не только социокультурный контекст существования звука, но и его материальную составляющую, записывая барабанные ритмы калули и затем измеряя частоту звуковых волн.

Полевые исследования антрополога Пола Столлера среди племен сонгай в Нигерии также привели к выводам о доминировании аудиального восприятия у бесписьменного народа [Stoller, 1984]. Однако вклад Столлера в развитие антропологии чувств состоял не только в продуктивном анализе полевых данных, но и в методологической рефлексии этнографической работы. Так, одна из особенностей более поздних монографий Столлера состоит в стремлении автора отрефлексировать свойственный «западному» ученому-антропологу подход к осмыслению культуры Другого сквозь призму «западной» эпистемы: «визуализм <...> может быть европоцентрической ошибкой при кросс-культурных исследованиях обществ, в которых чувства вкуса или запаха более важны, чем зрение. <...> Я полагаю, что рассмотрение вкусовых ощущений, обоняния и слуха в той же мере, что и привилегированного зрения, не только сделает этнографию более яркой и доступной, но и сделает наши рассказы о других соответствующими полевым реалиям, отчеты о которых будут более достоверными и научными» [Stoller, 1989: 9]. Этнографическая работа и этнографические описания должны стать более «насыщенными», но их насыщение должно обладать сенсорным характером.

К раннему этапу становления антропологии чувств также можно отнести автоэтнографические исследования Надии Сереметакис, изучавшей связь чувственного опыта и памяти на примере воспоминаний о собственном детстве, проведенном в Греции [Seremetakis, 1994]. Цель Н. Сереметакис состояла в том, чтобы проанализировать, как личные и коллективные образы прошлого кодируются с помощью чувственных артефактов в культуре Греции до вступления страны в Европейское экономическое сообщество. Методологические установки исследовательницы базировались на представлении о том, что «между телом и вещами, человеком и миром существует неразрывная связь, которая указывает на перцептивное построение истины как на произвольное раскрытие смысла через чувства. Хотя чувства являются социальным и коллективным институтом, подобным языку, они не сводятся к языку» [Seremetakis, 1994, цит. по: Seremetakis, 2019: 6]. Одно из ключевых положений Н. Сереметакис состоит не только в том, что материальная среда может рассматриваться исследователем-антропологом как «сфера мультисенсорных записывающих устройств» [Howes, 2003], но и в том, что сенсорное

восприятие окружающей среды может инспирировать процесс припоминания и эмоциональной работы. Хотя работа Н. Сереметакис встретила ряд критических замечаний, в ходе публикации монографии исследовательница была признана новатором, так как ей удалось продемонстрировать, каким образом «антропология чувств может быть распространена на материальную культуру путем сочетания восприятия, памяти и материальности» [Howes, 2003: 45].

Несмотря на то, что изначально на потенциал чувственных данных для антропологических исследований обратили внимание американские ученые, для формирования антропологии чувств как особого исследовательского поля не менее значим вклад Дэвида Хоуза и коллег. В частности, в соавторстве с антропологом Констанс Классен и социологом Энтони Синнотом была написана коллективная монография, в основу которой легли исследования культурного измерения ольфакторного опыта, базовой предпосылкой которых выступил тезис о том, что «запахи наделены культурно релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве способа идентификации мира и взаимодействия с ним» [Classen et al., 1994: 3]. Авторы определили, что запахи являются своеобразными маркерами социальной идентичности (например, гендерной, этнической, классовой и т.д.), а различные ольфакторные практики (например, использование духов) по-разному реализуются и воспринимаются мужчинами и женщинами. При этом индивидуальные монографии также внесли вклад в развитие сенсорных исследований. Работы Классен были посвящены анализу системы упорядочивания социального взаимодействия с помощью сенсорных символов у инков [Classen, 1993], а также изучению культурной истории различных чувств — в особенности осязанию [Classen, 2012]. Синнот посвятил значительную часть исследований развитию теоретических оснований социологии телесности [Synnott, 1993], а Хоуз — обоснованию антропологии чувств как самостоятельной области исследований [Howes, 1991].

Ограничения антропологического подхода

Для полноценного понимания специфики антропологического подхода необходимо учитывать его ограничения. Так как работа антрополога предполагает включение в поле и использование всевозможных инструментов сбора «насыщенных» данных для понимания культурного контекста, исследователь всегда должен занимать рефлексивную позицию по отношению к собственным выводам, чтобы минимизировать риск предвзятого взгляда на наблюдаемые феномены. Эта логика актуальна и для антропологии чувств, так как антрополог не может полагаться на собственный сенсорный опыт, получаемый в среде общества, которое он изучает, без должного уровня рефлексивности. «Если человек вырос в обществе, в котором обоняние мало ценится и не тренируется, нельзя надеяться внезапно ощутить все сложные обонятельные нюансы другого общества просто потому, что он [антрополог] вошел в другую сенсорную и социальную среду» [Howes, 2013: 49].

В контексте исследований сенсорного опыта холистическая антропологическая оптика, чьей базовой онтологической установкой является

представление о культуре как целостности, позволяет рассматривать культуру как «способ чувственного восприятия» [Howes, 2013: 12], который может быть не только аудиальным или визуальным, но шире — тактильным, вкусовым, ольфакторным. Антропология чувств фокусируется на мультисенсорности модусов восприятия и конструирования реальности, а также наследует традиции американского культурного релятивизма, тем самым позволяя рассматривать сенсорный порядок как специфическую форму артикуляции культурных различий.

Сенсорный поворот в социологии

Несмотря на позиционирование сенсорных исследований как междисциплинарной области, для которой характерна конвергенция познавательных ресурсов различных наук, в ней по-прежнему наблюдается дифференциация методологических подходов и языков описания. В частности, такие различия можно обнаружить при сравнении антропологии чувств и социологии чувств. Хотя существует мнение, что «стирание границ между социологией и антропологией достаточно естественное» [Vannini et al., 2012: 10], социология чувств предлагает свою концептуальную модель символической составляющей сенсорного опыта, несмотря на то что ряд социологов признает [Vannini et al., 2012] значимость антропологических теоретических изысканий, благодаря которым в дискурсе социальных наук получили развитие идеи того, что «сенсорные модели не только влияют на то, как люди воспринимают мир, они влияют на то, как они относятся друг к другу: сенсорные отношения — это социальные отношения» [Howes, 2003: 55].

Ретроспектива социологических исследований чувств

Активная рецепция сенсорного поворота происходила в социологии в 2010-х годах. Тем не менее необходимо принять во внимание, что к сфере чувственного социологи обращались и ранее. Еще в первой половине XX века классик социологии Георг Зиммель указывал на значимость сенсорного аспекта коммуникации между людьми. Впечатления, получаемые благодаря чувственному восприятию «становится средством познания Другого: данные о человеке, которые я получаю, когда я вижу, слышу, чувствую его, теперь являются лишь мостиком, по которому я приближаюсь к нему как к моему объекту» [Зиммель, 2000]. В эссе «Экскурс в социологию чувств» Зиммель рассматривает «социологические роли» зрения, слуха и обоняния, признавая последнее хотя и «низшим» по форме, но играющим далеко не последнюю роль в организации социального взаимодействия. Особенность обоняния состоит в том, что «обонятельные ощущения не сравнятся с восприятиями других чувств по описуемости словами, их невозможно спроецировать на уровень абстракции» [Зиммель, 2000]. Зиммель рассматривает запахи как случай маркеров социальных границ, а ольфакторные ощущения — как ресурсы для упорядочивания социальных интеракций. Например, тесное взаимодействие между афроамериканцами

и представителями высшего общества Северной Америки, между евреями и немцами, между образованными интеллектуалами и рабочими не будет возможно ввиду различий в эстетических и гигиенических установках, которые становятся заметными благодаря обонятельным впечатлениям.

Позднее, в 1980-х годах, чувственный опыт фигурировал в теоретических работах Пьера Бурдьё, развившего концепцию вкуса как комплекса предпочтений, в которых объективируется не только стиль жизни, или габитус, человека, но и, как следствие, его положение в социальном пространстве и уровень культурного капитала [Бурдьё, 2005]. Так, разные сенсорные предпочтения (например, вкусовые — буквально), согласно П. Бурдьё, свойственны представителям разных социальных групп, отличных друг от друга по положению в социальном пространстве. Следующий подъем интереса социологов к сенсорному опыту начался в 1990-х годах — в контексте развития социологии телесности. Пионером этой субдисциплины стал Энтони Синнотт, в фокусе внимания которого (как и Зиммеля) находилось обоняние и его социальные функции. Кроме того, в 1994 году была опубликована работа социолога Ричарда Сеннета «Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации», в которой рассматривалась проблема «сенсорной депривации» как характерной черты современных городских пространств: «освоение географии современного общества требует пренебрежимо малого физического напряжения, а значит, и вовлеченности» [Сеннет, 2016: 17].

Формирование языка социологии чувств

Попытка разработать комплексный концептуальный аппарат социологии чувств была предпринята значительно позднее — в 2012 году вместе с выходом коллективной монографии Филиппа Ваннини, Денниса Уаскала и Саймона Готтчалка “The Senses in Self, Society and Culture: A Sociology of the Senses”. Авторы выступили против дуалистической онтологии, в которой чувственный опыт и разум «работают» отдельно друг от друга и, апеллируя к идеям Джона Дьюи, предложили постдуалистическую онтологию, синтезирующую ощущения (чувственный опыт) и восприятие (когнитивный опыт). Ваннини и его коллеги преследовали цель обосновать подход к «чувствам как взаимодействию», который позволяет «понять чувственность как социальность, а социальный опыт — как чувственность» [Vannini et al., 2012: 10]. Так, в контексте социологии чувств индивиды и сообщества представляются, по аналогии с метафорой «мыслительных сообществ» Эвиатара Зерубавеля [Zerubavel, 1996], «сенсорными сообществами», то есть «группами людей, которые разделяют общие способы использования своих чувств и понимания ощущений» [Vannini et al., 2012: 7]. В этом определении прослеживается идея о существовании интересубъективного знания о нормативном порядке сенсорного опыта — «сенсорном порядке», концептуальное содержание которого наиболее полно раскрывается именно в социологии чувств. «Под сенсорным (или соматическим) порядком мы подразумеваем, грубо говоря, те нормативные аспекты порядка взаимодействия, которые касаются сенсорума человека» [Vannini et al., 2012: 127].

Концептуальный аппарат Ваннини и его коллег инспирирован традицией символического интеракционизма и, в частности, концепциями «порядка интеракции [социального взаимодействия]» и «роли действующего субъекта», разработанными американским социологом Ирвингом Гофманом: с одной стороны существуют фоновые ожидания от поведения (в данном случае — сенсорного/чувственного поведения) индивида, с другой — процесс «исполнения» выбранной роли перед Другим [Гофман, 2004]. В повседневной жизни, наполненной чувственными ощущениями, индивиды вынуждены постоянно совершать «соматическую работу» [Vannini et al., 2012], которая представляет собой ритуализированные повседневные сенсорные практики, предполагающие следование «соматическим правилам», релевантным определенным контекстам. Такие правила, как и соматическая работа в целом, во-первых, являются само собой разумеющимися, а во-вторых, служат поддержанию сенсорного порядка, который также глубоко встроен в полотно повседневной жизни и для своего обнаружения требует либо рефлексивных усилий индивида, либо нарушения фоновых ожиданий: «он есть, но вы не знаете этого до тех пор, пока его не потревожат, пока он внезапно не оживает, как гром в солнечный день, раздражающий смех, доносящийся сквозь глухую стену белого шума, внезапный неприятный запах в вашей гостиной» [Vannini et al., 2012: 129].

Сенсорный порядок имеет символическое измерение, так как чувственное восприятие включает в себя эстетические и моральные оценки, «вшитые» в сенсорные нормы той или иной социальной группы. Так, отсутствие у человеческого тела неприятного запаха имеет культурные коннотации «чистоты», «привлекательности», «здоровья» и «человеческого достоинства» [Vannini et al., 2012]. Кроме того, сенсорный порядок контекстуализирует не только уместность, но и интенсивность тех или иных чувственных проявлений. Например, злоупотребление парфюмом или курение табачных и электронных сигарет в публичных местах может быть негативно оценено окружающими, так как в этой ситуации нарушается как сенсорный порядок в целом, так и сенсорные нормы в частности.

Таким образом, для социологии чувств взаимодействие между людьми и формирование социальных связей представляет собой не только принятие и исполнение социальной роли, но и интериоризацию сенсорных норм — включение в определенный сенсорный порядок, необходимое для успешного исполнения принятой роли [Malsen, 2015]. Более того, социальная жизнь и включенность в нее невозможны вне телесного сенсорного опыта. Интериоризируя социально обусловленные сенсорные нормы (соматические правила), индивиды и группы воспроизводят их в телесных практиках, следование которым невозможно вне области чувственного опыта. Социальная жизнь «не может быть осуществлена без производства человеком ощущений шума, тепла, вкуса, запаха, зрелища и т.д. (посредством разговора, крика, пения, барабанного боя, музицирования, включения динамиков, гудков, пения, хлопков, танцев, потоотделения, нагревания, объятия, угощения, приготовления пищи, совместной трапезы, поджаривания, купания, курения, использования парфюма, одевания, зажигания петард, зажигания благовоний или свечей, обработки, участия в играх или сражениях, пыток и т.д.)» [Chau, 2008: 490].

Символическая составляющая сенсорного опыта

Сенсорный опыт, составляющий неотъемлемую часть социальной жизни, тесно связан с областью эмоций. В частности, американский исследователь Дональд Бреннис отметил, что обыденные языки описания чувственных ощущений и эмоций зачастую схожи между собой: «ощущение и переживание глубоко связаны, их часто трудно выразить вербально, они встроены в сети ассоциаций и памяти и почти непереводимы [с языка ощущений на язык эмоций]» [Brenneis, 2005: 142]. Социолог Келвин Лоу анализирует, как ольфакторные ощущения стимулируют работу памяти, вызывая у человека аффект и ассоциации с тем эмоциональным состоянием, в котором он пребывал ранее в прошлом — в ситуации схожего ольфакторного опыта. «Связь между запахами и эмоциями способствует продуктивному включению их [запахов и эмоций] в исследование опыта аффекта и работы идентичности. <...> я предлагаю эвристическую концепцию аффекта, связывающую обонятельные воспоминания, аффект и эмоцию» [Low, 2013: 698]. Сенсорный опыт, вызывающий воспоминания, обладающие значимостью для человека, представляет собой отправную точку «работы воплощенной идентичности» [Low, 2013; Waskul et al., 2009], определяющей репертуар совершаемых социальных действий. Так, Лоу описывает опыт людей, для повседневной жизни которых особую значимость играют определенные ольфакторные ощущения [Low, 2013]. Например, для кого-то важным жизненным опытом было пребывание в Новой Зеландии, которое ассоциируется у этого человека с запахом средства для умывания Nivea. Для того чтобы актуализировать ностальгические воспоминания о периоде проживания в Новой Зеландии, человек использует это средство для умывания, так как его запах позволяет реконструировать запомнившуюся атмосферу на материальном уровне и, как следствие, искусственно воссоздать прошлый опыт за счет схожести чувственных ощущений. Также Лоу раскрывает работу воплощенной идентичности через ольфакторное основание «аффективной непрерывности» [Low, 2013] на примере случая девушки, получившей в детстве негативный опыт, о котором напоминают ей определенные ольфакторные ощущения. Информантка рассказывала, что испытывает отвращение к запаху алкоголя, поскольку он ассоциируется у нее с травматичным опытом жизни в семье с отцом-алкоголиком. В рассказе девушки был описан случай, когда она ходила на свадебный ужин, где гостям было предложено красное вино. В определенный момент, когда информантка начала постоянно чувствовать запах вина, ее эмоциональное состояние резко ухудшилось, несмотря на торжественность события.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что сфера чувств тесно связана с эмоциональным измерением социальной жизни и включена в индивидуальные жизненные миры. Однако для социологической оптики важен тезис о том, что сенсорные ощущения не являются исключительно физиологическими феноменами, а играют значимую роль в процессах упорядочивания социальной жизни и производства ее смыслов. Таким образом, социологическая перспектива позволяет не только проанализировать сенсорные нормы и сенсорный порядок того или иного общества, но и посмотреть на микроуровень

сенсорного опыта и сенсорных практик с точки зрения тех символических значений, которыми индивиды и группы наделяют те или иные чувственные ощущения и, как следствие, объекты чувственного восприятия.

Сенсорная этнография в контексте качественной методологии

Так как область чувств и сенсорный порядок представляют собой сложно-уловимые и зачастую нерелексируемые смысловые измерения социальной жизни, для проведения эмпирических исследований, нацеленных на социологическое осмысление сферы чувственного опыта, представляется непротиворечивым использование качественных методов, ибо они обеспечивают исследователя познавательными ресурсами для ответа на вопрос о том, «как люди наделяют смыслом свой жизненный опыт», и при этом «не позволяют исследовательским гипотезам и смысловым конструкциям определять результаты, вытекающие из данных» [Spencer et al., 2014: 87].

Методологические последствия сенсорного поворота

В контексте сенсорного поворота представление об этнографии как исследовательском методе претерпевает содержательные трансформации. В «классическом» понимании этнография как метод сбора полевых данных представляет собой длительное пребывание исследователя в естественной среде обитания изучаемого им объекта (социальной группы). Такой подход предполагает, что этнограф проводит регулярные наблюдения за взаимодействиями людей, беседует с ними преимущественно в формате неформализованных (или полужформализованных) интервью, а также собирает документы и артефакты для последующего анализа [Hammersley, Atkinson, 2007]. Сенсорный поворот приводит к смещению фокуса этнографии на чувственный опыт «как главный способ познания социального мира» [Dicks, 2014: 660]. В сенсорной этнографии исследователь не просто создает «насыщенное описание» культуры и интерпретирует ее как текст [Гирц, 2004], но и реконструирует сенсорный порядок этой культуры, используя «сенсорный интеллект», то есть навык рефлексии символического значения как собственных, так и чужих чувственных ощущений [Vannini et al., 2012]. Рассматриваемая в таком ключе, сенсорная этнография выступает методологическим ресурсом понимания жизненных миров людей, а также специфики их отношений с материальными объектами и средой повседневного опыта.

Феноменологический аспект оснований сенсорной этнографии

Теоретической предпосылкой сенсорной этнографии являются не только антропология и социология чувств, но и феноменологическая концепция французского философа Мориса Мерло-Понти. Будучи представителем парадигмы телесности в феноменологии [Бедаш, 2014], Мерло-Понти постулирует телесную опосредованность восприятия мира, в процессе которого тело

становится «воплощенным сознанием» [Мерло-Понти, 1999]. В данном контексте опыт сенсорного (опосредованного телесно) восприятия, представляет собой специфическую форму конструирования жизненного мира [Шюц, 2004], который впоследствии *воплощается* в действиях человека. Лоу и Абдулла концептуализируют «сенсорный опыт» как «метод производства сенсорного знания <...> так как чувства служат решающими посредниками в процессе исследований и генерации данных» [Low, Abdullah, 2019: 14], подчеркивают значимость использования рефлексивного подхода к сенсорному опыту, так как «взаимодействие с нашими собственными телами и чувствами в ходе полевых исследований означает открытие дополнительных возможностей для обеспечения воплощенного понимания социальных явлений, которые мы изучаем» [Low, Abdullah, 2019: 14].

Чувствительность феноменологической оптики позволяет посмотреть на сенсорный порядок как на форму дорефлексивного знания, воплощенного в сенсорном (опосредованном телесно) опыте, который имплицитно содержит в себе смыслы жизненных миров индивидов и социальных групп. В связи с этим цель сенсорной этнографии как исследовательской практики и познавательного ресурса состоит в обнаружении неочевидного, нематериального и неожиданного, невысказанного, чувствуемого (*felt*) и ощущаемого (*sensed*) аспектов повседневного жизненного опыта [Morris, 2017: 292].

Сенсорная этнография как качественный метод

Наиболее артикулированно методологические принципы сенсорной этнографии представлены в работах антрополога Сары Пинк [Pink, 2009], согласно которой «сенсорная этнография предполагает эмпатичное вовлечение исследователей в практики и места, которые значимы для людей, участвующих в исследовании. Следовательно, [сенсорная этнография] не предполагает сбора данных [об участниках исследования], которые затем можно проанализировать. Скорее, [сенсорная этнография] включает в себя производство смысла в процессе взаимодействия с ними в ходе совместной деятельности в общем месте» [Pink, 2011: 271]. В этнографическом исследовании, нацеленном на изучение сенсорного аспекта социальной жизни и культуры, взаимодействие с информантами может осуществляться в различных форматах — интервью, прогулок, совместных просмотров и обсуждений изображений, прослушивания музыки и т.д. [Pink, 2011]. Такие способы этнографической работы представляют собой процесс совместного производства воплощенного intersubjectивного знания исследователя и информанта. Канадская исследовательница Дара Калхейн отстаивает схожий подход к этнографической практике и предлагает использование «креативных методик», в основе которых лежит коллаборативное (или *co-creative*) производство знания в процессе полевой работы исследователя [Culhane, 2017]. В качестве примера можно рассмотреть авторскую методику видеопрогулки (*walking with video*), разработанную Сарой Пинк для изучения материальной и сенсорной среды обитания ее информантов, участвовавших в совместной полевой работе [Pink, 2007]. Совместно с участниками исследования Пинк совершала прогулки

по маршрутам, которые составляли сами информанты, и в это же время делала видеозаписи окружающего пространства на камеру. Так как Пинк просила участников исследования разработать маршруты таким образом, чтобы в них были включены значимые места и объекты, исследовательница предлагает «рассматривать видеопрогулку как средство представления опыта того, как изменяющиеся нематериальные элементы нашей окружающей среды запечатлеваются в материальной среде» [Pink, 2007: 249].

Несмотря то, что сенсорные исследования и сенсорная этнография активно развиваются на протяжении последних десятилетий, типологии сенсорных методик и исследовательских дизайнов, включающих их, еще не были разработаны. Хотя отсутствие сформированного «реестра методов» [Запорожец, 2017: 39] сенсорной этнографии может препятствовать распространению знания об этом подходе и его познавательных возможностях среди представителей социальных наук, ряд исследователей придерживаются мнения, что в отношении этнографического исследования, сфокусированного на области чувств, употребление выражения «методы сбора данных» некорректно, так как большинство качественных методов «от неучаствующего до включенного наблюдения; от более традиционных до экспериментальных стратегий; и от всех форм интервью до автоэтнографического самоанализа — могут помочь собрать чувственные данные [sensuous data]» [Vannini et al., 2012: 68]. В связи с этим конструирование исследовательского дизайна определяется не столько конкретным методом, то есть не тем, *что* исследователь делает, а тем, *как* он это делает. В данном случае исследователь должен придерживаться рефлексивного подхода, который может найти выражение в следовании принципам сенсорной этнографии как особой методологической стратегии, релевантной представлениям о том, что «все чувственные методы сбора данных [sensual methods of data collection] являются рефлексивными методами, которые предоставляют нам частичный доступ к нашим собственным ощущениям и ощущениям других людей. Идем ли мы или говорим, интервьюируем или фотографируем, записываем звуки или ведем исследовательские дневники и журналы, все формы чувственного исследования в конечном счете являются инструментами, которые мы используем для выявления различных способов соматического внимания» [Vannini et al., 2012: 73].

Заключение

Развитие антропологической и социологической интерпретации индивидуального и коллективного сенсорного опыта послужило импульсом к формированию новаторских методологических решений. К ним можно отнести и сенсорную этнографию как особый подход к полевой этнографической работе, в ходе которой исследователь не только использует привычные качественные эмпирические методы (такие как интервью и наблюдения), но и обращается к соучаствующим формам сбора полевых данных (совместным

с информантами прогулкам, записи и просмотрам видео, слушанию и т.д.). Кроме того, сенсорная этнография открывает значительный простор для включения анализа чувственных данных в исследовательский дизайн, так как предполагает рефлексивную позицию исследователя по отношению к его собственным чувственным ощущениям, с которыми он неизбежно сталкивается в полевой работе. С учетом того, что сенсорная этнография как методологическая стратегия нацелена на выявление символического содержания повседневных социальных практик, ее использование представляется релевантным парадигме качественной социологии и, как следствие, качественной стратегии социологического исследования.

Литература

- Бедаш Ю. А.* Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4. С. 211–218.
- Богданова Е.* Граница между публичным и приватным в звуковом сообществе: исследование современного российского села // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2017. Т. 9. № 1. С. 4–29.
- Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2005-3-25-48>
- Возьянов А. Г.* «Коробка для звуков?» О саундскейпе городского двора // *Микроурбанизм. Город в деталях* / Под ред. О.Е. Бредниковой, О.Н. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 111–131.
- Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Гирц К. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 478–522.
- Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Запорожец О. Н.* «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // *Социология: методология, методы и математическое моделирование*. 2017. № 44. С. 37–72.
- Зиммель Г.* Из «Экскурса о социологии чувств» // *Неприкосновенный запас*. 2000. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/iz-ekskursa-o-socziologii-chuvstv.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника–Центр, 2004.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Колизей, 1999.
- Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016.
- Стрельникова А. В.* Биографическая прогулка: интервью в движении и маршруты памяти // *Как собрать данные в полевом качественном исследовании*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. С. 126–128. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Brenneis D.* Afterword: Sense, Sentiment, and Sociality // *Etnofoor*. 2005. Vol. 18. № 1. P. 142–149.
- Bull M. et al.* Introducing Sensory Studies // *The Senses and Society*. 2015. Vol. 1. № 1. P. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589206778055655>
- Chau A. Y.* The Sensorial Production of the Social // *Ethnos*. 2008. Vol. 73. № 4. P. 485–504.
- Classen C.* Foundations for an Anthropology of the Senses // *International Social Science Journal*. 1997. Vol. 49. № 153. P. 401–412. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.1997.tb00032.x>

- Classen C.* The Deepest Sense: A Cultural History of Touch. Springfield: University of Illinois Press, 2012. DOI: <https://doi.org/10.5406/illinois/9780252034930.001.0001>
- Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London: Routledge, 1993.
- Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. London: Routledge, 1994.
- Culhane D.* Imagining: An Introduction // A Different Kind of Ethnography: Imaginative Practices and Creative Methodologies / Ed. by D. Elliott, D. Culhane. New York: University of Toronto Press, 2017. P. 1–22.
- Dicks B.* Action, experience, communication: three methodological paradigms for researching multimodal and multisensory settings // Qualitative Research. 2014. Vol. 14. № 6. P. 656–674. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794113501687>
- Feld S.* Sound and Sentiment: Birds, Weeping, and Song in Kaluli Expression. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.
- Hammersley M., Atkinson P.* Ethnography. Principles in Practice. 3rd ed. London, New York: Routledge, 2007.
- Howes D.* Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.11852>
- Howes D.* The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses. Toronto: University of Toronto Press, 1991.
- Howes D., Classen C.* Ways of Sensing. Understanding the Senses in Society. London: Routledge, 2013. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315856032>
- Low K.E.Y.* Olfactive Frames of Remembering: Theorizing Self, Senses and Society // The Sociological Review. 2013. Vol. 61. P. 688–708. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12078>
- Low K.E.Y., Abdullah N.* Sensory Experience as Method // The Oxford Handbook of the Sociology of Body and Embodiment / Ed. by N. Boero, K. Mason. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190842475.013.4>
- Maslen S.* Researching the Senses as Knowledge // The Senses and Society. 2015. Vol. 10. № 1. P. 52–70. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589315X14161614601565>
- Morris L.* Multisensoriality and social work research. Qualitative Social Work. 2017. Vol. 16. № 3. P. 291–299. DOI: <https://doi.org/10.1177/1473325017705698>
- Ong W.J.* The Presence of the Word. New Haven: Yale University Press, 1967.
- Pink S.* Doing Sensory Ethnography. London: Sage Publications, 2009. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446249383>
- Pink S.* Multimodality, Multisensoriality and Ethnographic Knowing: Social Semiotics and the Phenomenology of Perception // Qualitative Research. 2011. Vol. 11. № 3. P. 261–276. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794111399835>
- Pink S.* Walking with Video // Visual Studies. 2007. Vol. 22. № 3. P. 240–242. DOI: <https://doi.org/10.1080/14725860701657142>
- Seeger A.* Nature and Society in Central Brazil: The Suya Indians of Mato Grosso. Cambridge: Harvard University Press, 1981. DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674433038>
- Seeger A.* The Meaning of Body Ornaments:: A Suya Example // Ethnology. 1975. Vol. 14. № 3. P. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.2307/3773253>
- Seremetakcis N.* The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity. Boulder: Westview Press, 1994.
- Seremetakcis N.* The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity. New York: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429314506>
- Spencer R., Pryce J.M., Walsh J.* Philosophical Approaches to Qualitative Research // The Oxford Handbook of Qualitative Research / Ed. by P. Leavy. New York: Oxford University Press, 2014. P. 81–98.

Stoller P. Sound in Songhay Cultural Experience // American Ethnologist. 1984. Vol. 11. № 3. P. 559–570. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.1984.11.3.02a00090>

Stoller P. The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. DOI: <https://doi.org/10.9783/9780812203141>

Synnott A. The Body Social: Symbolism, Self and Society. London, New York: Routledge, 1993.

Vannini Ph., Waskul D., Gottschalk S. The Senses in Self, Society, and Culture. A Sociology of the Senses. New York, London: Routledge, 2012. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203805985>

Waskul D. D., Vannini P., Wilson J. The Aroma of Recollection: Olfaction, Nostalgia, and the Shaping of the Sensuous Self // The Senses and Society. 2009. Vol. 4. № 1. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589309X388546>

Zerubavel E. Lumping and Splitting: Notes on Social Classification // Sociological Forum. 1996. № 11. P. 421–433. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02408386>

Сведения об авторе:

Ваневская Полина Николаевна — стажер-исследователь Центра социологии культуры, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** p.vanevskaya@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 1111446.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

Принята к публикации: 10.06.2021

.....
Sensory Ethnography as a Methodological Resource for Qualitative Research

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.1

Polina N. Vanevskaia HSE University, Moscow, Russia
E-mail: p.vanevskaya@mail.ru

The article poses the problem of the possibility of including sensory ethnography in the methodological arsenal of qualitative sociological research. In order to substantiate the possibility of this step in sociological methodology development the author presents the theoretical origins of the sensory turn that took place in social and humanitarian knowledge. After that, the author reconstructs the process of sensory turn reception in cultural anthropology and sociology. According to the author, the sensory ethnography approach formation may be considered as one of the methodological consequences of sensory turn as well as extension of research problem set opportunities. Shifting the research focus towards the sphere of sensory experience and, as a result, including the sensory aspect of everyday life in research designs, are considered as the incentives to development of new methodological approaches, such as sensory ethnography.

Keywords: sensory turn; anthropology of the senses; sociology of the senses; sensory ethnography; qualitative methods

References

- Bedash U.A. (2014) Analiz prostranstva v fenomenologii Edmunda Gusserlya I Morisa Merlo-Ponti [Analysis of space in the phenomenology of Edmund Husserl and Maurice Merleau-Ponty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 4. P. 211–218. (In Russ.)
- Bogdanova E. (2017) Granica mezhdu publichnym I privatnym v zvukovom soobschestve: issledovanie sovremennogo rossiyskogo sela [The boundary between public and private in the audio community: a study of contemporary Russian village]. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratory: Russian Review of Social Research]. Vol. 9. No. 1. P. 4–29. (in Russ.)
- Bourdieu P. (2005) Razlichenie: socialnaya kritika suzhdeniya [Distinction: The Social Critique of Judgment]. *Economicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. No. 3. P. 25–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2005-3-25-48>
- Brenneis D. (2005) Afterword: Sense, Sentiment, and Sociality. *Etnofoor*. Vol. 18. No. 1. P. 142–149.
- Bull M. et al. (2015) Introducing Sensory Studies. *The Senses and Society*. Vol. 1. No. 1. P. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589206778055655>
- Chau A.Y. (2008) The Sensorial Production of the Social. *Ethnos*. Vol. 73. No. 4. P. 485–504.
- Classen C. (1993) *Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures*. London: Routledge.
- Classen C. (1997) Foundations for an Anthropology of the Senses. *International Social Science Journal*. Vol. 49. No. 153. P. 401–412. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.1997.tb00032.x>
- Classen C. (2012) *The Deepest Sense: A Cultural History of Touch*. Springfield: University of Illinois Press. DOI: <https://doi.org/10.5406/illinois/9780252034930.001.0001>
- Classen C., Howes D., Synnott A. (1994) *Aroma: The Cultural History of Smell*. London: Routledge.
- Culhane D. (2017) Imagining: An Introduction. In: Elliott D., Culhane D. (eds.) *A Different Kind of Ethnography: Imaginative Practices and Creative Methodologies*. New York: University of Toronto Press. P. 1–22.
- Dicks B. (2014) Action, experience, communication: three methodological paradigms for researching multimodal and multisensory settings. *Qualitative Research*. Vol. 14. No. 6. P. 656–674. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794113501687>
- Feld S. (1990) *Sound and Sentiment: Birds, Weeping, and Song in Kaluli Expression*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Geertz K. (2004) “Nasyschennoe opisaniye”: v poiskakh interpretativnoy teorii kultury [Thick descriptions: toward an interpretive theory of culture]. *Interpretaciya kultury* [The interpretation of culture]. Moscow: ROSSPEN. P. 478–522. (In Russ.)
- Gofman E. (2004) *Analiz freymov. Esse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: An essay on the organization of experience]. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.)
- Hammersley M., Atkinson P. (2007) *Ethnography. Principles in Practice*. 3rd ed. London, New York: Routledge.
- Howes D. (1991) *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses*. Toronto: University of Toronto Press.
- Howes D. (2003) *Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory*. Ann Arbor: University of Michigan Press. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.11852>
- Howes D., Classen C. (2013) *Ways of Sensing. Understanding the Senses in Society*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315856032>
- Low K.E.Y. (2013) Olfactive Frames of Remembering: Theorizing Self, Senses and Society. *The Sociological Review*. Vol. 61. P. 688–708. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12078>
- Low K.E.Y., Abdullah N. (2019) Sensory Experience as Method. In: Boero N., Mason K. (eds.) *The Oxford Handbook of the Sociology of Body and Embodiment*. Oxford: Oxford University Press. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190842475.013.4>

- Maslen S. (2015) Researching the Senses as Knowledge. *The Senses and Society*. Vol. 10. No. 1. P. 52–70. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589315X14161614601565>
- McLuhan M. (2004) *Galaktika Guttenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoy kulury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kiev: Nika–Centr. (In Russ.)
- Merleau-Ponty M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. SPb.: Iuventa, Kolizei. (In Russ.)
- Morris L. (2017) Multisensoriality and social work research. *Qualitative Social Work*. Vol. 16. No. 3. P. 291–299. DOI: <https://doi.org/10.1177/1473325017705698>
- Ong W.J. (1967) *The Presence of the Word*. New Haven: Yale University Press.
- Pink S. (2007) Walking with Video. *Visual Studies*. Vol. 22. No. 3. P. 240–242. DOI: <https://doi.org/10.1080/14725860701657142>
- Pink S. (2009) *Doing Sensory Ethnography*. London: Sage Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446249383>
- Pink S. (2011) Multimodality, Multisensoriality and Ethnographic Knowing: Social Semiotics and the Phenomenology of Perception. *Qualitative Research*. Vol. 11. No. 3. P. 261–276. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794111399835>
- Schütz A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyaschiysya smyslom* [Collected Papers: World Glowing of Meaning]. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russ.)
- Seeger A. (1975) The Meaning of Body Ornaments: A Suya Example. *Ethnology*. Vol. 14. No. 3. P. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.2307/3773253>
- Seeger A. (1981) *Nature and Society in Central Brazil: The Suya Indians of Mato Grosso*. Cambridge: Harvard University Press. DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674433038>
- Sennett R. (2016) *Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoy civilizacii* [Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Seremetakcis N. (1994) *The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity*. Boulder: Westview Press.
- Seremetakcis N. (2019) *The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429314506>
- Spencer R., Pryce J.M., Walsh J. Philosophical Approaches to Qualitative Research. In: Leavy P. (ed.) *The Oxford Handbook of Qualitative Research*. New York: Oxford University Press, 2014. P. 81–98.
- Stoller P. (1984) Sound in Songhay Cultural Experience. *American Ethnologist*. Vol. 11. No. 3. P. 559–570. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.1984.11.3.02a00090>
- Stoller P. (1989) *The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. DOI: <https://doi.org/10.9783/9780812203141>
- Strelnikova A.V. (2020) Biograficheskaya progulka: interv'u v dvizhenii I marshruty pamyati [Biographical Walk: interview in motion and memory routes]. *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in Qualitative Field Research]. Moscow: Izd. dom VShE. P. 126–128. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>
- Synnott A. (1993) *The Body Social: Symbolism, Self and Society*. London, New York: Routledge.
- Vannini Ph., Waskul D., Gottschalk S. (2012) *The Senses in Self, Society, and Culture. A Sociology of the Senses*. New York, London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203805985>
- Voz'ianov A.G. (2014) "Korobka dlia zvukov?" O saundskeipe gorodskogo Dvora ["Sound box?" About the soundscape of the city courtyard]. In: Brednikova O.E., Zaporozhets O.N. (eds.) *Mikrourbanizm: gorod v detaliakh* [Microurbanism: city in details]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 111–131. (In Russ.)
- Waskul D.D., Vannini P., Wilson J. (2009) The Aroma of Recollection: Olfaction, Nostalgia, and the Shaping of the Sensuous Self. *The Senses and Society*. Vol. 4. No. 1. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589309X388546>

Zaporozhets O.N. (2017) "Mobil'nye metody": Issledovanie zhizni v dvizhenii ["Mobile Methods": Exploring life in motion]. *Sociologiya: metodologiya, metody i matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods and mathematical modeling]. No. 44. P. 37–72. (In Russ.)

Zerubavel E. (1996) Lumping and Splitting: Notes on Social Classification. *Sociological Forum*. No. 11. P. 421–433. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02408386>

Zimmel' G. (2000) Iz "Ekskursa o sociologii chuvstv" [From the "Excursions on the sociology of the senses"]. *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency ration]. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/iz-ekskursa-o-sociologii-chuvstv.html> (accessed 10 May 2021). (In Russ.)

Author bio:

Polina N. Vanevskaia — Trainee Researcher, Centre for Cultural Sociology, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** p.vanevskaya@mail.ru.
RSCI Author ID: 1111446.

Received: 10.05.2021

Accepted: 10.06.2021

Смыслы мест и места смыслов

Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.2

Ссылка для цитирования:

Галкин К. А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.2>

For citation:

Galkin K. A. (2021) Limited Space: Elderly People's Meanings of the City in the Time of Pandemic. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.2>

Галкин Константин Александрович

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: Kgalkin1989@mail.ru

Статья базируется на авторском исследовании специфики изменений смыслов города для пожилых людей в период пандемии. Эмпирической базой послужили 20 полуструктурированных интервью и 15 дневников наблюдений с пожилыми людьми из Санкт-Петербурга и Петрозаводска, которые собирались во время пандемии COVID-19 с 14 апреля по 1 июня 2020 года. Автор показывает, какие ограничения в использовании материальных и социальных ресурсов существуют в городских пространствах, как эти ограничения взаимосвязаны и как они создают особенности в интерпретации пожилыми людьми городских смыслов. Основной вывод работы заключается в том, что ограниченность материальных ресурсов города и ощущаемая пожилыми людьми зажатость в рамках одного пространства влияет на социальные ресурсы. В статье обсуждается вопрос о том, как отсутствие материальных ресурсов может быть компенсировано через социальные ресурсы, такие как волонтерская помощь. На кейсе Петрозаводска делается вывод, что ограничения в предоставлении волонтерской помощи выступают серьезной проблемой для крупного города.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; городское пространство; повседневность; городские пространства в период пандемии COVID-19; пожилые люди; особенности повседневности пожилых людей в период пандемии COVID-19; города и COVID-19

Город невозможно помыслить как оторванный и отделенный от социальных и глобальных проблем и особенностей развития: это живой организм, динамичная система с меняющимися контекстами, связанными с глобальными вызовами, проблемами, сложностями и трансформациями [Wessel, 2009]. Город как социокультурное пространство связан с особыми смыслами, которые в той или иной степени могут различаться среди горожан в зависимости от их возраста, дохода, социально-демографического статуса и продолжительности проживания в городах. Речь идет об интерпретации особенностей городской жизни, о связанности пространств, а также об их восприятии различными группами населения города. Именно особенности субъективных интерпретаций города в период пандемии представляют исследовательский интерес, который послужил основой настоящей публикации.

Пожилые люди, по нашему мнению, относятся к той категории горожан, которые являются носителями наиболее многогранного опыта повседневных городских взаимодействий и интерпретаций городских пространств. Во-первых, длительность проживания в городе и определенный «стаж» проживания в том или ином месте и пространстве позволяет увидеть различные формы привязанности к пространству, накопить багаж локальных знаний о городских местах, таких как магазины, аптеки. Во-вторых, места в городе могут быть связаны с приятными воспоминаниями, общением, взаимодействием пожилых людей. Это может быть библиотека в центре города, где проходят курсы для пожилых людей, или парк, или кафе, где пожилые люди встречаются с друзьями и родственниками. Также следует отметить, что с возрастом у человека, как правило, наблюдается снижение адаптационных ресурсов: люди привыкают к одному и тому же месту или местам, которые существуют в пространстве городов [Коротаев и др., 2019: 139; Радина, Поршнева, 2014: 154; Елютина, 2009: 105–106]. Исследователи отмечают в отношении пожилых людей особую роль солидарности с местом, когда ощущения отдельных городских пространств и их чувствование, смыслы подобных пространств становятся сродни дому, а в случае закрытости этих пространств или их ограниченности теряются прежние ощущения и смыслы дома [Home and Identity..., 2005; Burholt, 2006; Peace et al., 2006; Smith, 2009; Sixsmith et al., 2014; Meijering, 2021].

Применительно к пожилым людям среду городов можно условно разделить на несколько аспектов. Во-первых, есть материальные ресурсы, связанные с материальными объектами в городе и инфраструктурами, которые имеют важное значение для пожилых людей. Во-вторых, социальные ресурсы: места для встреч, общения и взаимодействия с другими пожилыми людьми, которые существуют в городских пространствах. В статье я задаюсь вопросом, насколько социальные и материальные ресурсы, необходимые пожилым людям, ограничиваются в период пандемии COVID-19, и как это влияет на восприятие смыслов городов пожилыми людьми.

Контекст исследования: период пандемии и его влияние на пожилых людей

Пандемия новой коронавирусной инфекции представляет собой вызов для всего человечества. Одна из особенностей пандемии связана в том числе и с ее названием. Сегодня пандемию принято называть синдемией, то есть не просто эпидемией, которая создала медицинские проблемы для жителей, но такой эпидемией, которая повлияла на социальную жизнь [Голубев, Сидоренко, 2020]. Ведь одним из аспектов влияния пандемии выступает именно ограниченность мобильности, самоизоляция, часто отсутствие мобильности в целом, что отражается как на биологическом, так и на психологическом здоровье пожилых людей; и сложно сказать, что нанесло больший вред: сама инфекция или меры борьбы с ней, включающие обязательную изоляцию. Именно изоляция и меры изоляции, которые предпринимаются, чтобы ограничить контакты пожилых людей, определены в исследованиях как меры, связанные с биополитической дискриминацией, меры, которые отражают проблемы доступа пожилых людей к прежде доступным пространствам, ограничивают возможность их использования, создают сложности с участием пожилых людей в социальной жизни [Pele et al., 2021; Deyev et al., 2020]. В исследованиях актуальные ранее вопросы (включение пожилых людей в социальную жизнь, создание для них комфортной окружающей среды) — были достаточно быстро заменены на обсуждение проблем и трудностей, формирующих новое пространство города, связанное с ограничениями мобильности пожилых людей, использованием транспорта и утратой комфорта окружающей среды [Xiong et al., 2020; Matias et al., 2020].

В период пандемии одной из серьезных проблем стала вынужденная изоляция, которая, будучи полезной с точки зрения профилактики инфекционных заболеваний, имеет ряд негативных последствий для психического самочувствия [Morrow-Howell et al., 2020; Brooke, Jackson, 2020], а также усиливает различные формы социальных неравенств [Brooke, Jackson, 2020; Барышева и др., 2020]. Как отмечают исследователи, пожилые люди стали «жертвами» не просто самой пандемии, но и мер, которые предпринимались для ее ограничения [Голубев, Сидоренко, 2020]. Во многих странах действовали и продолжают действовать ограничительные меры, в некоторых, например в Великобритании, создаются специальные линии помощи пожилым людям. Однако по-прежнему важным остается вопрос: насколько такие горячие линии гарантируют всем пожилым людям включение и интеграцию в социум, а также возможность не чувствовать себя одинокими в период пандемии? Но все же главный вопрос остается без ответа: какие эффективные меры могут быть предложены для вовлечения пожилых людей в социальную жизнь и повышения их активности?

Исследования по социальной геронтологии рассматривают основные риски для пожилых людей в период пандемии COVID-19. Среди таких рисков — отсутствие у старшего поколения доступа к качественной информации и ограничение общения; неравенства пожилых как гомогенной и проблемной

группы; приоритет на лечение молодых [Evans et al., 2020; Berg-Weger, Morley, 2020; Hwang et al., 2020]. Другое направление исследований, изучающих последствия и особенности изоляции пожилых людей, представлено работами психологов. В отличие от трудов по социальной геронтологии, психологические исследования рассматривают изоляцию и связанные с ней проблемы в контексте психического здоровья и эффекта, который изоляция нанесла психическому здоровью пожилых. В психологических исследованиях изоляционный эффект для пожилых людей измеряем прежде всего состояниями здоровья и возникновением различных сопутствующих заболеваний, связанных с долгой изоляцией и необходимостью пожилым людям сидеть на одном месте без передвижений [Webb, 2020; Sia et al., 2020; Heid et al., 2020]. Третий пул работ — социологические зарубежные исследования, оценивающие последствия пандемии с точки зрения таких проблем, как стигматизация и социальное исключение пожилых людей, в том числе в актуальных дискурсах СМИ, возникновение различных неравенств, влияющих на жизнь пожилых людей с введением изоляционных мер [Ayalon et al., 2020; Fraser et al., 2020].

При этом очевидной лакуной существующих исследований остается проблема нерелексивности к пространствам и особенностям пространств, например к городам, где проходит жизнь в пандемию, так как одной из немаловажных проблем выступают именно пространства, которые могут по-разному восприниматься пожилыми людьми и создавать сложности с восприятием изоляции и неравенств [Dorn et al., 2020; Vambra et al., 2020]. Городские пространства в таком случае представляются не просто в качестве различных кластеров доступности или недоступности, они переформируются и меняют смыслы. Именно близкие и доступные к месту проживания магазины, аптеки и торговые центры становятся едва ли не единственными центрами притяжения пожилых людей. То есть, ситуация пандемии изменяет пространства и смыслы городских пространств для людей старшего поколения.

Методология исследования и эмпирическая база

Эмпирической базой исследования выступают полуструктурированные онлайн-интервью с пожилыми людьми, которые были проведены в двух локациях: Санкт-Петербурге, городе федерального значения, и Петрозаводске, крупном городе регионального значения. Также собирались дневники наблюдений, которые вели сами пожилые люди. Всего в Санкт-Петербурге и в Петрозаводске было собрано 20 полуструктурированных интервью.

Интервью проходили один на один с информантами в "Skype". Важной частью беседы были вопросы о сравнении городской жизни до и во время пандемии, а также обсуждение иллюстративных примеров, в рамках которых информанты раскрывали особенности повседневных практик и их изменений в период самоизоляции. Также в ходе интервью использовались карты, на которых пожилые люди отмечали различные места в контексте ограничений, с которыми пришлось столкнуться. Все интервью были анонимизированы,

информанты заранее были уведомлены, что интервью записываются. Дневники велись пожилыми людьми после интервью: они получали задания записывать особенности своей повседневной жизни, все возникающие сложности и то, что было необычным, новым. В каждом дневнике фиксировались эмоции и переживания, настроение каждого дня. В исследовании применяется тематический анализ интервью и секвенционное кодирование. Это позволило выделить ключевые темы и особенности восприятия городских пространств в рамках двух макротем: социальные и материальные ресурсы города, детализируя далее по специфике барьеров, ограничений, неравенств, изоляции пожилых людей в городских пространствах.

«Чувство места» и ресурсы городов

Изучение восприятия городских пространств часто соотносят с концептом «чувство места» (sense of place), который связан с ощущениями и интерпретациями нахождения в конкретном пространстве, со смыслами и определениями места, с восприятием комфортности городских пространств [Hashemnezhad et al., 2013; Counted, 2016]. У жителей города образуется особое ощущение города: «чувство места» может быть определено как наполнение городских пространств различными смыслами, например, смыслами субъективно важных мест, смыслами включенности своей повседневности, как и биографического проекта, в городские пространства [Sampson, Goodrich, 2009; Trentelman, 2009].

При изучении специфики восприятия городов важен анализ субъективных смыслов и интерпретаций, которые можно увидеть в описании принадлежности к конкретному пространству. Нам интересно, как подобное описание меняется в случае появления глобальных проблем, таких как пандемия коронавируса, ставшая причиной закрытости и недоступности городских пространств. В этой связи продуктивным представляется подход “people-place relationships and experiences”, он определяет, как городская среда изменяется в контекстах глобальных или локальных изменений [Counted, 2016]. В рамках подобного подхода предполагается создание различных моделей, типизирующих и описывающих специфику взаимодействия жителей города с городской средой.

В своем исследовании я разделяю город на два типа ресурсов — материальные, к которым отношу социально-экономические ресурсы городов (магазины, торговые центры, другие объекты инфраструктур, которые создают удобство и комфорт в рамках конкретной материальной среды), и социальные, к которым относятся коммуникация и взаимодействия в городской среде, т.е. связаны с возможностью быть включенным в социальную жизнь и не ощущать одиночества. Важно рассмотреть, как подобные ресурсы встроены в городское пространство и как они позволяют пожилым людям интерпретировать особенности городских пространств и их смыслы. Концепция анализа строится на изучении ограниченности социальных и материальных ресурсов в жизни пожилых людей, на исследовании того, как нехватка тех или иных ресурсов

интерпретируется пожилыми людьми в интервью и как на основании такой интерпретации создаются смыслы и особенности города.

Городская среда может учитывать или не учитывать особенности возраста и возрастных различий в понимании смыслов городов, быть дружественной или враждебной к пожилым людям [Hoof et al., 2018]. Объективные проявления пространственной дифференциации, которая встречается в городах для пожилых людей, было бы продуктивно изучить в сопоставлении с субъективными особенностями восприятия городских мест и ощущений, связанных с этими местами. Таким образом, «чувство места» понимается в исследовании как особая привязанность пожилых людей к городским пространствам, а также особенности трактовки пожилыми людьми городских пространств и тех ресурсов, с которыми соотносятся различные пространства.

Ограниченность материальных ресурсов городов

Понимание ограниченности городских пространств пожилыми людьми в интервью было связано со следующими подтемами: утрата прежних пространств, изменение города до неузнаваемости, утрата связей с привычными значимыми для памяти местами городов. Пространства городов, как их описывали сами информанты, становились ограниченными, суженными и создавали для пожилых людей проблемы, связанные прежде всего с утратой мобильности в городских пространствах. Одной из самых проблематичных и сложных была утрата прежних «значимых мест», наиболее ярко выраженной была невозможность приобрести необходимое лекарство, что отражалось на здоровье и самочувствии пожилых людей.

Из-за утраты прежних материальных ресурсов пожилые люди теряли чувство комфорта. Это создавало проблему «зажатости» и «закрытости» городских пространств, и эта зажатость, как отмечали информанты, ощущалась телесно. В данном случае интерпретация физического пространства и его смыслы создавали для пожилых людей психологические проблемы, психологическую ограниченность:

«Теперь город сузился до двух парадных, магазина и хлебной лавки. Есть впечатление, что ты не в городе, а в деревне живешь, что ты так же ограничен в этом закрытом пространстве и ничего не можешь сделать и предпринять. Все кажется таким ограниченным и закрытым для себя самого» (муж., 76 лет, Санкт-Петербург).

При этом наибольшие сложности от ограничения пространств испытали на себе пожилые люди в Петрозаводске, прежде всего живущие в отдаленных районах, где из-за проблем с регулярностью движения транспорта, из-за трудностей с мобильностью, а также в связи с закрытостью торговых галерей и площадок пожилым людям было крайне сложно добраться туда, куда необходимо, например за лекарствами или продуктами:

«Здесь теперь вообще никуда не съездишь, сиди в одном месте и кукуй. И это, так скажем, еще относительно мягко сказано — кукуй. На самом деле реально стало очень сложно здесь находиться. Возникает очень много трудностей с тем, чтобы куда-нибудь выбраться. Потому что чувствуешь себя ограниченной, вычеркнутой и ненужной, закрытой на одном пространстве» (жен., 68 лет, Петрозаводск).

Также в интерпретациях новых смыслов города нередко появлялась тема транспорта, которая была вписана в проблемы пандемии. Речь в первую очередь об ограниченности маршрутов и о возросшей цене проезда, что не позволяло пожилым людям выбраться туда, куда было необходимо, и создавало, помимо физического дискомфорта, также психологический дискомфорт, закрытость и зажатость в рамках одного пространства с отсутствием какой-либо возможности вырваться и поехать в другой район. Большое значение имела и проблема отмены льгот на транспорте, это тоже ограничивало возможность в полной мере использовать материальные ресурсы городов.

Для Петрозаводска ограничения, связанные с транспортной инфраструктурой, включали в себя отмену прежних маршрутов, прежде всего частных. Эти маршруты были единственным способом добраться из одного района города в другой район или в центр. Не выручало и такси, цены на проезд в котором тоже взлетели. К тому же пожилым людям, главным образом маломобильным и с ограниченными возможностями здоровья, было довольно сложно пользоваться услугами такси, если оно не адаптировано для перевозки людей с особыми потребностями.

Таким образом, интерпретация ограниченности материальных ресурсов для пожилых людей в городах строилась вокруг следующих тем: зажатость, отсутствие комфорта, «пересборка» пространства. При этом ранее доступные пространства стали восприниматься как закрытые и узкие, превратились в очерченные территории района, или даже в нескольких домов, доступных магазинов и аптек на этих территориях.

Ограниченность социальных ресурсов городов

Ограниченность материальных ресурсов городов, которая была связана в том числе с ограниченностью в передвижениях, мобильностью пожилых людей, порождала иные интерпретации социальных ресурсов города. Так, город до пандемии описывался пожилыми людьми в интервью как пространство, где они не чувствовали себя одинокими и могли легко навестить родственников или знакомых. Однако именно физическая ограниченность и закрытие пространств, связанные с изоляцией, повлияли на социальную ограниченность и невозможность общаться с друзьями, также они ограничили привычные поездки к родственникам.

«У меня так получилось, что здесь, в районе, знакомых-то и нет. Все знакомые мои (или подружки, как я их зову) проживают на другом конце города. Вот поэтому мне, если честно, крайне сложно теперь куда-либо выехать, а вернее, вообще невозможно, когда город стал полностью закрытым. Поэтому теперь я стараюсь просто так тоске не поддаваться: когда старые фотографии посмотришь, когда еще что-то. Но, если так разбираться, все равно это уже не то, эффект от этого совершенно иной» (жен., 68 лет, Санкт-Петербург).

Для некоторых пожилых людей ограниченность материальных ресурсов города, которая, в свою очередь, создает ограниченность социальных ресурсов, служит стимулом к общению онлайн. И при наличии необходимых навыков общения онлайн пожилые люди стараются общаться и обсуждать проблемы в интернете:

«Хорошо, что есть компьютер, дочка привезла. Это, можно сказать, вообще единственная возможность и одна из немногих отдушин. Можно хотя бы выйти в сеть, с кем-либо пообщаться. Получается, что сейчас практически все закрыто, и ищешь любые возможности для общения, чтобы совсем не стать одинокой» (жен., 79 лет, Петрозаводск).

При этом именно возможность общения — как онлайн, так и по телефону — со знакомыми и родственниками интерпретировалась в нарративах пожилых людей как возможность не быть «вычеркнутыми из жизни», компенсировать нехватку материальных ресурсов и нивелировать проблемы, связанные с ограниченностью материальных ресурсов, которые создавало пространство города. Виртуальное общение и общение по телефону были способами преодолеть замкнутость и ограниченность городских пространств, давали возможность поделиться проблемами, в том числе обратиться за помощью к городским сервисам и волонтерам, которые в период пандемии были доступны онлайн:

«Хорошо, что есть номера и что волонтеры могут приехать и, если нужно, к примеру, продукты тебе привезти. А если разбираться начистоту, то и не знаю, что бы я вообще делал сейчас. Может, просто сидел бы на одном месте, а самое главное, даже продукты и все остальное не мог бы приобрести, и это, конечно, наталкивает на определенные мысли и сомнения» (муж., 75 лет, Санкт-Петербург).

И если в Санкт-Петербурге для пожилых людей был выбор, было множество сервисов, куда эта категория граждан могла обратиться и вызвать волонтеров, то для пожилых людей в Петрозаводске основной проблемой при получении необходимой помощи было отсутствие добровольческих организаций, а также отсутствие возможности выбирать между различными организациями.

К тому же волонтерская помощь пожилым людям в Петрозаводске носила скорее ситуативный характер, и в этом случае было довольно сложно выбрать лучшую волонтерскую организацию или обратиться за помощью к другой организации, использовать иные ресурсы. Таким образом, волонтерские и, как следствие, социальные ресурсы для пожилых людей из Петрозаводска были более ограниченными.

В нарративах пожилых людей заметна связь между тем, как материальные ресурсы и ограничения городских пространств влияют на ограничения, создаваемые социальными ресурсами. Ключевыми темами при описании социальных ресурсов пожилыми людьми в интервью были темы отсутствия прежней мобильности и возможности поехать и общаться с тем, с кем необходимо, а также темы, связанные с описанием перехода в новый формат общения, то есть общения с использованием телефона и онлайн-ресурсов. Также в нарративах пожилых людей из Петрозаводска присутствовала тема ограниченности волонтерских организаций, проблема ситуативного характера в их работе. Такие организации не могли обеспечить пожилых людей всем необходимым, возникали сложности в обращениях к ним. Это, в свою очередь, вызывало ощущение отсутствия психологической поддержки.

Заключение

С началом пандемии COVID-19 городские пространства стали для пожилых людей ограниченными, что изменило прежние интерпретации смыслов и особенностей восприятия и описания городов этой категорией граждан. Анализ интерпретаций пожилыми людьми материальных и социальных ресурсов городов показывает наличие устойчивой связи между ограниченностью материальных ресурсов в жизни пожилых людей и ограниченностью ресурсов социальных, что приводит к переформатированности пространств городов и утрате прежних смыслов этих пространств. Одной из важных особенностей выступают интерпретации городских сервисов: так, у пожилых людей из Санкт-Петербурга имеется выбор разнообразных сервисов (в том числе социальных и волонтерских), которые воспринимаются ими как возможность компенсации нехватки материальных ресурсов и ограниченности города; а у пожилых людей из Петрозаводска практически нет такой возможности, поскольку подобные сервисы развиты недостаточно (особенно это касается сервисов психологической поддержки и доставки необходимых материальных ресурсов пожилым людям).

В целом переформатирование городских пространств под влиянием пандемии COVID-19 связано с физическими ограничениями, с ощущениями зажатости, которые присутствуют в городских пространствах и оказывают влияние на изменения социальной жизни. Однако социальные ресурсы в таком случае позволяют минимизировать и компенсировать отсутствие и ограниченность материальных ресурсов крупных городов.

Литература

Барышева Г. А., Антипанова О. А., Тхань Б. Д. Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие и положение наиболее уязвимого населения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. Т. 39. № 4. С. 105–117. DOI: [https://doi.org/10.18799/6584956/2020/4\(39\)/1056](https://doi.org/10.18799/6584956/2020/4(39)/1056)

Голубев А. Г., Сидоренко А. В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 397–408. DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2020.33.2.026>

Елютина М. Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–109.

Коротаев А. В., Новиков К. Е., Шульгин С. Г. Ценности пожилых в стареющем мире // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 114–142. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-114-142>

Радина Н., Поршнев А. Пожилые горожане мегаполиса и малых городов: солидарность, альтруизм и приоритеты в области городского развития // Социология власти. 2014. № 3. С. 141–158.

Ayalon L. et al. Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity // The Journals of Gerontology: Series B. 2020. Vol. 76. № 2. P. e49–e52. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa051>

Bambra C. et al. The COVID-19 Pandemic and Health Inequalities // Journal of Epidemiology and Community Health. 2020. Vol. 74. № 11. P. 964–968. DOI: <https://doi.org/10.1136/jech-2020-214401>

Berg-Weger M., Morley J. E. Loneliness and Social Isolation in Older Adults during the Covid-19 Pandemic: Implications for Gerontological Social Work // The Journal of Nutrition, Health & Aging. 2020. Vol. 24. № 5. P. 456–458. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12603-020-1366-8>

Brooke J., Jackson D. Older People and COVID-19: Isolation, Risk and Ageism // Journal of Clinical Nursing. 2020. Vol. 29. № 13–14. P. 2044–2046. DOI: <https://doi.org/10.1111/jocn.15274>

Burholt V. «Adref»: Theoretical Contexts of Attachment to Place for Mature and Older People in Rural North Wales // Environment and Planning A: Economy and Space. 2006. Vol. 38. № 6. P. 1095–1114. DOI: <https://doi.org/10.1068/a3767>

Counted V. Making Sense of Place Attachment: Towards a Holistic Understanding of People-Place Relationships and Experiences // Environment, Space, Place. 2016. Vol. 8. № 1. P. 7–32. DOI: <https://doi.org/10.5840/esplace2016811>

Deyev A. S., Khvoshchin A. A., Chernomorchenko S. I. Challenges of Biopolitics Caused by the COVID-19 Pandemic // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020). Moscow: Atlantis Press, 2020. P. 401–407. DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201105.072>

Dorn A. van, Cooney R. E., Sabin M. L. COVID-19 Exacerbating Inequalities in the US // Lancet. 2020. Vol. 395. № 10232. P. 1243–1244. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30893-x](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30893-x)

Evans M. C. et al. Mental and Physical Health Correlates of Financial Difficulties among African-American Older Adults in Low Income Areas of Los Angeles // Frontiers in Public Health. 2020. Vol. 8. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00021>

Fraser S. et al. Ageism and COVID-19: What Does Our Society's Response Say about Us? // Age and Ageing. 2020. Vol. 49. № 5. P. 692–695. DOI: <https://doi.org/10.1093/ageing/afaa097>

Home and Identity in Late Life: International Perspectives / Ed. by D.R. Graham, H. Chaudhury. New York: Springer, 2005.

Hashemnezhad H., Heidari A. A., Mohammad Hoseini P. "Sense of Place" and "Place Attachment" // International Journal of Architecture and Urban Development. 2013. Vol. 3. № 1. P. 5–12.

Heid A. R. et al. Challenges Experienced by Older People during the Initial Months of the COVID-19 Pandemic // The Gerontologist. 2021. Vol. 61. № 1. P. 48–58. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnaa138>

Hoof J. van et al. The Challenges of Urban Ageing: Making Cities Age-Friendly in Europe // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. Vol. 15. № 11. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15112473>

- Hwang T.J. et al. Loneliness and Social Isolation during the COVID-19 Pandemic // International Psychogeriatrics. 2020. Vol. 32. № 10. P. 1217–1220. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1041610220000988>
- Matias T., Dominski F. H., Marks D. F. Human Needs in COVID-19 Isolation // Journal of Health Psychology. 2020. Vol. 25. № 7. P. 871–882. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105320925149>
- Meijering L. Towards Meaningful Mobility: A Research Agenda for Movement Within and Between Places in Later Life // Ageing and Society. 2021. Vol. 41. № 4. P. 711–723. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19001296>
- Morrow-Howell N., Galucia N., Swinford E. Recovering from the COVID-19 Pandemic: A Focus on Older Adults // Journal of Aging & Social Policy. 2020. Vol. 32. № 4–5. P. 526–535. DOI: <https://doi.org/10.1080/08959420.2020.1759758>
- Peace Sh., Holland C., Kellahe L. Environment and Identity in Later Life. Maidenhead: Open University Press, 2006.
- Pele A., Riley S. For a Right to Health Beyond Biopolitics: The Politics of Pandemic and the «Politics of Life» // Law, Culture and the Humanities. 2021. № 6. P. 135–160. DOI: <https://doi.org/10.1177/1743872120978201>
- Sampson K. A., Goodrich C. G. Making Place: Identity Construction and Community Formation through “Sense of Place” in Westland, New Zealand // Society and Natural Resources. 2009. Vol. 22. № 10. P. 901–915. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920802178172>
- Sia A. et al. Nature-Based Activities Improve the Well-Being of Older Adults // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. № 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-74828-w>
- Sixsmith J. et al. Healthy Ageing and Home: The Perspectives of Very Old People in Five European Countries // Social Science & Medicine. 2014. № 106. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.01.006>
- Smith A. E. Ageing in Urban Neighbourhoods: Place Attachment and Social Exclusion. Bristol: Policy Press, 2009. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgm1>
- Trentelman C. K. Place Attachment and Community Attachment: A Primer Grounded in the Lived Experience of a Community Sociologist // Society and Natural Resources. 2009. Vol. 22. № 3. P. 191–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920802191712>
- Webb L. Covid-19 Lockdown: A Perfect Storm for Older People’s Mental Health // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. 2020. Vol. 28. № 2. P. 300–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpm.12644>
- Wessel T. Does Diversity in Urban Space Enhance Intergroup Contact and Tolerance? // Geografiska Annaler: Series B. Human Geography. 2009. Vol. 91. № 1. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2009.00303.x>
- Xiong J. et al. Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A Systematic Review // Journal of Affective Disorders. 2020. № 277. P. 55–64. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016%2Fj.jad.2020.08.001>

Сведения об авторе:

Галкин Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** Kgalkin1989@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 850737; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-6083; **ResearcherID:** A-8784-2016.

Статья поступила в редакцию: 08.05.2021
Принята к публикации: 15.06.2021

Limited Space: Elderly People's Meanings of the City in the Time of Pandemic

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.2

Konstantin A. Galkin

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: Kgalkin1989@mail.ru

The study examines the specifics of changes in the meanings of the city in interviews with older people. The author shows what restrictions in the use of material and social resources exist in urban spaces, how these restrictions are interrelated and how they create peculiarities in the interpretation of the meanings of cities by older people. The empirical basis of the study was 20 semi-structured interviews and 15 observation diaries with elderly people from St. Petersburg and Petrozavodsk, which were collected during the COVID-19 pandemic from April 14 to June 1, 2020. The key findings of the study relate to the different interpretations of urban spaces present in the locations where the study was conducted; secondly, how the limited material resources of the city and the perceived tightness of older people within one space affect social resources. In addition, the question is raised as to how the lack of material resources can be compensated through social resources, such as volunteer assistance. The presence of volunteers is limited in various cities, and restrictions on the provision of volunteer assistance are a serious problem for a large city of regional significance — Petrozavodsk.

Keywords: COVID-19 pandemic; urban space; everyday life; urban spaces during the COVID-19 pandemic; elderly people; features of everyday life of older people during the COVID-19 pandemic; cities and COVID-19

References

- Ayalon L. et al. (2020) Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76. No. 2. P. e49–e52. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa051>
- Bambra C. et al. (2020) The COVID-19 Pandemic and Health Inequalities. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 74. No. 11. P. 964–968. DOI: <https://doi.org/10.1136/jech-2020-214401>
- Barysheva G. A., Antipanova O. A., Thanh B. D. (2020) Vliyanie pandemii COVID-19 na social'no-ekonomicheskoe razvitie i polozhenie naibolee uyazvimogo naseleniya [Impact of the COVID-19 pandemic on socio-economic development and the situation of the most vulnerable population]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Vectors of well-being: economy and society]. Vol. 39. No. 4. P. 105–117. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18799/6584956/2020/4\(39\)/1056](https://doi.org/10.18799/6584956/2020/4(39)/1056)
- Berg-Weger M., Morley J.E. (2020) Loneliness and Social Isolation in Older Adults during the Covid-19 Pandemic: Implications for Gerontological Social Work. *The Journal of Nutrition, Health & Aging*. Vol. 24. No. 5. P. 456–458. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12603-020-1366-8>
- Brooke J., Jackson D. (2020) Older People and COVID-19: Isolation, Risk and Ageism. *Journal of Clinical Nursing*. Vol. 29. No. 13–14. P. 2044–2046. DOI: <https://doi.org/10.1111/jocn.15274>
- Burholt V. (2006) «Adref»: Theoretical Contexts of Attachment to Place for Mature and Older People in Rural North Wales. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 38. No. 6. P. 1095–1114. DOI: <https://doi.org/10.1068/a3767>
- Counted V. (2016) Making Sense of Place Attachment: Towards a Holistic Understanding of People-Place Relationships and Experiences. *Environment, Space, Place*. Vol. 8. No. 1. P. 7–32. DOI: <https://doi.org/10.5840/esplace2016811>

Deyev A. S., Khvoshchin A. A., Chernomorchenko S. I. (2020) Challenges of Biopolitics Caused by the COVID-19 Pandemic. *Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020)*. Moscow: Atlantis Press. P. 401–407. DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201105.072>

Dorn A. van, Cooney R. E., Sabin M. L. (2020) COVID-19 Exacerbating Inequalities in the US. *Lancet*. Vol. 395. No. 10232. P. 1243–1244. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30893-x](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30893-x)

Evans M. C. et al. (2020) Mental and Physical Health Correlates of Financial Difficulties among African-American Older Adults in Low Income Areas of Los Angeles. *Frontiers in Public Health*. Vol. 8. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00021>

Fraser S. et al. (2020) Ageism and COVID-19: What Does Our Society's Response Say about Us? *Age and Ageing*. Vol. 49. No. 5. P. 692–695. DOI: <https://doi.org/10.1093/ageing/afaa097>

Golubev A. G., Sidorenko A. V. (2020) Teoriya i praktika stareniya v usloviyah pandemii COVID-19 [Theory and practice of aging in the context of the COVID-19 pandemic]. *Uspekhi gerontologii* [Success of gerontology]. Vol. 33. No. 2. P. 397–408. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2020.33.2.026>

Graham D. R., Chaudhury H. (eds.) (2005) *Home and Identity in Late Life: International Perspectives*. New York: Springer.

Hashemnezhad H., Heidari A. A., Mohammad Hoseini P. (2013) "Sense of Place" and "Place Attachment". *International Journal of Architecture and Urban Development*. Vol. 3. No. 1. P. 5–12.

Heid A. R. et al. (2021) Challenges Experienced by Older People during the Initial Months of the COVID-19 Pandemic. *The Gerontologist*. Vol. 61. No. 1. P. 48–58. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnaa138>

Hoof J. van et al. (2018) The Challenges of Urban Ageing: Making Cities Age-Friendly in Europe. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 15. No. 11. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15112473>

Hwang T. J. et al. (2020) Loneliness and Social Isolation during the COVID-19 Pandemic. *International Psychogeriatrics*. Vol. 32. No. 10. P. 1217–1220. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1041610220000988>

Korotaev A., Novikov K., Shulgin S. (2019) Cennosti pozhilyh v stareyushchem mire [The Values of the Elderly in an Aging World]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 31. No. 1. P. 114–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-114-142>

Matias T., Dominski F. H., Marks D. F. (2020) Human Needs in COVID-19 Isolation. *Journal of Health Psychology*. Vol. 25. No. 7. P. 871–882. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105320925149>

Meijering L. (2021) Towards Meaningful Mobility: A Research Agenda for Movement Within and Between Places in Later Life. *Ageing and Society*. Vol. 41. No. 4. P. 711–723. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19001296>

Morrow-Howell N., Galucia N., Swinford E. (2020) Recovering from the COVID-19 Pandemic: A Focus on Older Adults. *Journal of Aging & Social Policy*. Vol. 32. No. 4–5. P. 526–535. DOI: <https://doi.org/10.1080/08959420.2020.1759758>

Peace Sh., Holland C., Kellaheer L. (2006) *Environment and Identity in Later Life*. Maidenhead: Open University Press.

Pele A., Riley S. (2021) For a Right to Health Beyond Biopolitics: The Politics of Pandemic and the «Politics of Life». *Law, Culture and the Humanities*. No. 6. P. 135–160. DOI: <https://doi.org/10.1177/1743872120978201>

Radina N., Porshnev A. (2014) Pozhilye gorozhane megapolisov i malyh gorodov: solidarnost', al'truizm i priority v oblasti gorodskogo razvitiya [Older Citizens of Megacities and Small Towns: Solidarity, Altruism and Urban Development Priorities]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3. P. 141–158. (In Russ.)

Sampson K. A., Goodrich C. G. (2009) Making Place: Identity Construction and Community Formation through "Sense of Place" in Westland, New Zealand. *Society and Natural Resources*. Vol. 22. No. 10. P. 901–915. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920802178172>

Sia A. et al. (2020) Nature-Based Activities Improve the Well-Being of Older Adults. *Scientific Reports*. Vol. 10. No. 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-74828-w>

Sixsmith J. et al. (2014) Healthy Ageing and Home: The Perspectives of Very Old People in Five European Countries. *Social Science & Medicine*. No. 106. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.01.006>

Smith A. E. (2009) *Ageing in Urban Neighbourhoods: Place Attachment and Social Exclusion*. Bristol: Policy Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgmn1>

Trentelman C. K. (2009) Place Attachment and Community Attachment: A Primer Grounded in the Lived Experience of a Community Sociologist. *Society and Natural Resources*. Vol. 22. No. 3. P. 191–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920802191712>

Webb L. (2020) Covid-19 Lockdown: A Perfect Storm for Older People's Mental Health. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*. Vol. 28. No. 2. P. 300–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpm.12644>

Wessel T. (2009) Does Diversity in Urban Space Enhance Intergroup Contact and Tolerance? *Geografiska Annaler: Series B. Human Geography*. Vol. 91. No. 1. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2009.00303.x>

Xiong J. et al. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A Systematic Review. *Journal of Affective Disorders*. No. 277. P. 55–64. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016%2Fj.jad.2020.08.001>

Yelyutina M. E. (2009) Pozhilyye lyudi i staryye veshchi v povsednevnoy zhizni [Elderly people and old things in everyday life]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7. P. 101–109. (In Russ.)

Author bio:

Konstantin A. Galkin — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** Kgalkin1989@mail.ru. **RSCI Author ID:** 850737; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-6083; **ResearcherID:** A-8784-2016.

Received: 28.05.2021
Accepted: 15.06.2021

Мечь nostos: о значении места в исследованиях ностальгии

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.3

Ссылка для цитирования:

Старовойтенко А.Д. Мечь nostos: о значении места в исследованиях ностальгии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 41–53. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.3>

For citation:

Starovoytenko A. D. (2021) The Revenge of Nostos: On Place in Nostalgia Studies. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 41–53. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.3>

Старовойтенко Андрей Дмитриевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: astarovojtenko@hse.ru

Ностальгия рассматривается социальными и гуманитарными науками как эмоция, ориентированная на прошлое, и продукт миропонимания эпохи модерна. Однако в условиях «всемирного торжества памяти» и консьюмеристской колонизации прошлого взгляд на ностальгию через привычную призму современной темпоральности уже не дает достаточно эффективных инструментов для понимания и объяснения этого комплекса переживаний. В настоящей статье предпринимается попытка критики время-ориентированной ностальгии посредством обращения к метафоре места. Чувствительность к локальности в изучении ностальгии — возможность более понимающего и менее редуционистского взгляда на это захватывающее и сложное явление.

Ключевые слова: ностальгия; память; место; локальность; ретромания; прошлое; настоящее

Ангел истории: ностальгия как продукт современной телеологии

На протяжении последних 100 лет ностальгия, перешедшая в конце XIX века из ведомства медицины в поле внимания культурологии, рассматривается как эмоция, ориентированная на *прошлое*. В классической монографии «Будущее

ностальгии» Светлана Бойм пишет: «На первый взгляд, ностальгия — это тоска по определенному месту, но на самом деле это тоска по другим временам — по времени нашего детства, по медленным ритмам наших мечтаний» [Бойм, 2019: 18]. В другой классической работе, “Yearning for Yesterday”, Фред Дэвис, закладывая фундамент для дальнейших теоретических построений, замечает: «Если и есть нечто, в чем сходятся все [исследователи] <...>, так это то, что материалом ностальгического опыта служит прошлое» [Davis, 1979: 8].

Этимология слова «ностальгия» и история понятия достаточно хорошо изучены [Абрамов, 2012; Starobinski, Kemp, 1966; Davis, 1979], и представляется излишним их повторять в полном объеме. В контексте настоящей работы необходимо остановиться на важнейшем повороте в понимании термина, постепенно происходившем на протяжении XIX века в медицине, философии и литературе и окончательно оформившемся в начале-середине XX века в социальных и гуманитарных науках. Если в понимании западноевропейского врача XVII–XVIII веков ностальгия означала тяжелое заболевание, связанное с оторванностью от роддома², то для социолога, культуролога и исследователя когнитивных наук XXI века это «в высшей степени социальная, амбивалентная, но преимущественно позитивная эмоция, <...> [касающаяся] значимых событий [индивидуального или коллективного] прошлого» [van Dijke et al., 2019: 47].

Пользуясь термином из акторно-сетевой теории, *перевод*, осуществленный социальными и гуманитарными науками с ностальгией, затронул не только физиологию и психиатрию, но также — более неожиданно — географию. Как отмечает в своей монографии “Geography of Nostalgia” Элистер Боннетт, понятие ностальгии появилось как характеристика «географического состояния» [Bonnett, 2015: 2]. На протяжении всей своей истории как заболевания ностальгия и география шли рука об руку. В XVII–XVIII вв. ностальгия повсеместно называлась «швейцарской болезнью», в XIX веке о ней говорили как о “maladie des français”. История французского, британского и американского колониализма пестрит дневниковыми записями, сообщающими о «ностальгических» коллективных самоубийствах африканских рабов, насильно перемещенных на чуждые земли [Dodman, 2017: 149–171]. К началу XX века географические коннотации исчезают из поля зрения исследователей ностальгии так же, как и интерес со стороны медицинского сообщества¹.

Смещение акцента с пространственного на темпоральное измерение ностальгии свидетельствует не только о предположительном понижении статуса географии как научной дисциплины в начале XX века (пик первой волны глобализации), но в первую очередь о тектоническом сдвиге в понимании времени, происходившем на протяжении последних двух с половиной столетий [Bonnett, 2015]. По этому поводу Дэвид Лоуэнталь в книге «Прошлое — чужая страна» отмечает: «...только в конце XIX в. европейцы начали понимать, что прошлое — это другой мир, даже не чужая страна, но целое скопление чужих

¹ Последнее упоминание ностальгии как болезни датировано 1884 годом [Dodman, 2017: 172–190].

стран, которые населены уникальными историями и персонажами» [Лоуэн-таль, 2004]. Современное представление о времени, линейном и необратимом, говорит нам о том, что между прошлым и настоящим навсегда пролегла бездна, которую мы не можем преодолеть. «Швейцария» ностальгирующего солдата уже не такова, какой он вспоминает ее в своей тоске — и никогда не будет прежней. В сущности, никогда и не было «той» Швейцарии, она существует лишь в воображении тоскующего. В такой перспективе географические референции играют малозначимую роль, служа разве что декорациями для разыгрываемой трагедии неумолимого хода времени.

Рисунок 1. Пауль Клее. Angelus Novus. Лицензия [CC BY-SA 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/).

Вероятно, первыми ностальгический дух времени почувствовали художники и поэты XIX века. Светлана Бойм приводит стихотворение Шарля Бодлера «Прохожей» из книги «Цветы зла» как пример поиска совпадения в нужное время и в нужном месте для взаимного переживания мгновения счастья: «Для Бодлера шанс на достижение счастья открывается в мгновение ока, а остальная часть стихотворения — это ностальгия по тому, что могло бы быть...» [Бойм, 2019: 62–65]. «Момент счастья» для лирического субъекта стихотворения Бодлера — совпадение, которое могло бы случиться, но не случается — вернее же, осознание этого момента и радость его узнавания случаются слишком поздно, когда возможность совместного настоящего

уже утеряна и время уносит каждого своим путем. Заключительные строки оставляют героя потерянным и ностальгически вопрошающим — кого? — о возможности новой встречи.

Метафора уносящего времени присутствует в другом знаковом произведении модерна, многократно комментированном философами и социологами. Картина Пауля Клее *Angelus Novus* (1920) изображает существо, повернутое к зрителю одновременно и лицом, и спиной (см. Рис. 1). Уже название картины сообщает нам о том, что в фигуре нового ангела мы не найдем ни единства земного и божественного, как в раннехристианских изображениях, ни «симфонии» античных и средневековых элементов, присущих изображениям ангелов в начале 2-го тысячелетия. Новый ангел — ангел эпохи модерна — разорванное существо (даже его лик словно нагромождение лоскутов); движение корпуса, изгиб крыльев и взгляд ангела направлены в разные стороны, так, что неясно, куда он летит и куда желает лететь. Схваченная Клее парадоксальность движения позволила дать картине диаметрально противоположные интерпретации. Вальтер Беньямин, комментирующий картину в «Тезисах о философии истории», видит в ней повернутого вспять «ангела истории», наблюдающего за крушением современного прогресса, но не способного вернуть разрушенному миру единство и связность, коль скоро шквальный ветер, дующий из рая, уносит его в будущее. Зигмунт Бауман в своей последней книге «Ретротопия» вкладывает в интерпретацию картины противоположный смысл: его «ангел ретротопии» пятится назад в прошлое, взирая на ужасающую картину будущего, полного тревоги и неопределенности [Старовойтенко, 2019: 131].

Несмотря на кажущуюся противоположность трактовок Беньямина и Баумана, одна продолжает другую; они информированы одинаковой логикой. Ангел истории Беньямина еще находится внутри потока современного времени, наблюдая за громоздящимися руинами. Для ангела Баумана будущее уже развернулось перед ним в своей ужасающей очевидности, и он пытается укрыться в прошлом, подобно страусу, спрятавшему голову в песок. Первый взирает на неведомое человечество, слепо готовящее себе гибель; второе и есть человечество, осознавшее катастрофичность своих решений. Оба находятся в мертвой хватке Времени, которое рано или поздно донесет их до Конца, страшного и желанного.

Если новый ангел Клее способен испытывать ностальгию, его тоска — в его взгляде. Тоскует ли ангел по разорванному единству прошлого и настоящего, или по не свершившемуся обещанию светлого будущего, в сущности, неважно: чувство непоправимой утраты — вот его удел.

Всемирное торжество памяти и время как дырявое решето

Социологическое обоснование условий возникновения ностальгических переживаний в общих чертах изложено в работе М. Чейз и К. Шоу «Измерения ностальгии» и сводится к трем элементам: темпоральному (взгляд на время

как на линейный процесс); оценочному (ощущение «неправильности» настоящего, контрастирующее со светлым образом прошлого) и материальному (наличие материальных артефактов, сообразных с ожиданиями ностальгирующих) [Shaw, Chase, 1989: 1–18]. Предложенная классификация как нельзя лучше отражает разрыв с пространственно-ориентированным пониманием ностальгии. *Nostos*¹ играет здесь роль своего рода фигуры умолчания²: хотя очевидно, что «нет [такого объекта], представляющего интерес для социологов, который находился бы нигде» [Casey, 1993], *места* в построениях авторов ему не находится.

Возможно, ностальгию принято определять через темпоральную метафору прежде всего потому, что ностальгию по эпохе проще анализировать [Bonnett, 2015: 6]. Кажется, что в качестве аналитической категории время удобно «разрезать» на прошлое и настоящее и выделить в нем нужные исследователю эпохи, место же плохо поддается категоризации и дифференциации. В оптике исследований ностальгии время представляется монолитным и непрерывным³, место — случайным и контингентным.

Но даже у времени нет иммунитета от реинтерпретации. В статье «Всемирное торжество памяти» историк Пьер Нора дает обоснование «заката» исторического времени. На протяжении Нового времени представления о будущем конструировались в рамках трех интерпретационных моделей: реставрация прошлого, прогресс и революция. Сегодня ввиду ускорения истории от этих моделей отказались. Образовавшийся интерпретативный вакуум ведет к абсолютной неопределенности относительно будущего: в сущности, мы больше не знаем, как представлять будущее, и, следовательно, не знаем, чего от него ждать. В свою очередь, это, по мнению Нора, возлагает на нас своеобразный «долг памяти». Поскольку мы больше не знаем, что именно будущим поколениям «нужно будет знать о нас для того, чтобы разобраться в себе», мы обязаны запомнить все, что технически возможно запомнить, в надежде на то, что наши потомки найдут применение какой-то части этого массива [Нора, 2005].

За последние десятилетия Интернет превратился в архив беспрецедентных масштабов, избавленный от необходимости кассаций⁴. Возможность прямого и быстрого доступа к колоссальному массиву репрезентаций прошлого размывает границу между прошлым и настоящим. По выражению Саймона Рейнольдса, «время превратилось в дырявое решето», в котором прошлое — объект культурной колонизации [Рейнольдс, 2015]. Память становится своего рода конструктором, внутри которого можно собрать любой нарратив. «История России», «история компании Coca-Cola» и «история моей семьи» уравнины

¹ Греч.: «дом».

² В английском языке существует выражение 'elephant in the room', более удачное в данном контексте.

³ Важно уточнить, что даже когда говорят о разрывах в историческом или политическом времени, мы по-прежнему остаемся в рамках современного режима темпоральности.

⁴ В последние годы, однако, исследователи все чаще обращают внимание на вопросы онлайн-смерти, связанные с потерей онлайн-данных.

в том, что это не столько *histories*, сколько *stories*, по необходимости локальные и конструируемые в рамках какого-то из бесчисленных модусов уже не коллективной, а попросту множественной памяти. В результате всемирное торжество памяти оборачивается одновременной радикальной локализацией памяти [Ассман, 2019: 345–351].

Ностальгия — одновременно и ориентир, помогающий прокладывать курс в бездонном океане неструктурированной памяти, и цемент, схватывающий кирпичики разрозненных воспоминаний и артефактов прошлого в единый нарратив. В частности, анализируя онлайн-платформы как место цифрового воплощения ностальгии, мы видим, что их технологическая организация не только опосредует практики памятования и ностальгии, но и активно участвует в их формировании¹ (Мороз, 2020). Например, каждый пользователь YouTube не только создает собственное пространство видеопотребления, не идентичное никакому другому, но и имеет возможность активного вовлечения в коммуникацию вокруг потребляемого контента. Обратной стороной этого процесса является исчезновение общего информационного и дискурсивного поля, которое обеспечивалось телевидением за счет ограниченного количества каналов. В условиях одной-двух «кнопок» телевизора даже двум случайным людям, посмотревшим утренний выпуск новостей, будет несложно найти общий язык. Сегодня давние знакомые, решившие обсудить резонансное событие, могут вовсе не понять друг друга, если они подписаны на каналы разной политической направленности. Можно предположить, что вслед за сегментацией дискурсивного пространства, опосредованного технологиями социальных медиа, нечто похожее происходит и с практиками цифровой ностальгии, которая теперь опирается на множественные и по необходимости локальные нарративы цифровой памяти, конструируемые онлайн-сообществами.

Ностальгия по советскому — по-прежнему главный раздел российских *nostalgia studies* — сохраняет свою привлекательность для исследователей в первую очередь потому, что советское все еще предлагает модель целостного прошлого², по отношению к которому появляется возможность определения себя в настоящем³. В рамках ностальгии по советскому становится возможной ситуация, когда житель российского моногорода и преподаватель Шанинки уравнины в общем детском опыте «жевания гудрона»⁴. Ностальгия по

¹ Если телевидение не предусматривает прямого канала обратной связи, то в YouTube пользователи могут комментировать просматриваемые видео, общаться друг с другом и до определенной степени объединяться в сообщества вокруг просматриваемого и обсуждаемого контента.

² Вопрос о том, насколько «реальна» целостность советского в ностальгических переживаниях, мы вынуждены оставить за скобками. Впрочем, в данном случае это и несущественно: воображаемое единство реально в своих [ностальгических] последствиях.

³ Будрайткис И. Ностальгия, ретромания и ретротопия — в чем разница? // Фонд Егора Гайдара. URL: <http://shaninka.gaidarfund.ru/articles/3335/tab1> (дата обращения: 30.05.2021).

⁴ Гудрон — твердый асфальтоподобный продукт, остаток нефтепереработки, имеющий широкое применение в строительстве. Практика пережевывания гудрона была распространена в СССР 80-х годов среди детей и подростков школьного возраста, которые использовали его в качестве замены «дефицитной» жевательной резинки. О своем опыте «жевания гудрона» рассказывает социолог

советскому реально в той мере, в какой достаточное количество людей способны поддерживать воображенное единство этой эпохи.

Однако, если интуиции Нора и Рейнольдса верны, дает ли взгляд через призму прошлого достаточно прочное основание для объяснения возникновения ностальгических настроений? Будет ли «ностальгия по девяностым» одинакова для жителя Архангельска, 30 лет назад проходившего службу в ныне заброшенном военном городке Четвёрка на полуострове Рыбачий Мурманской области, и для москвича, сетующего на благоустройство пространства рядом со «стеной Цоя»? Можем ли мы считать, что это формы переживания утраты одного порядка, лишь на основании их отношения к определенному временному периоду? Будем ли мы способны понять движущие силы этих переживаний, апеллируя к «эпохе» и не принимая во внимание место, в котором они разворачиваются?

Место-чувствительная социология. Thomas Gieryn. A space for place in sociology

Во второй половине XX веке локальности был нанесен двойной удар. Снятие «железного занавеса», появление мобильной и интернет-связи, прозрачность границ, усложняющаяся система международной логистики, свободное и быстрое перемещение людей по всей планете подсказывали, что место более не довлеет над человеком и не ограничивает его. Массовая застройка, стандартизация инфраструктурных решений и развитие индустрии туризма поставили под вопрос аутентичность места. «Уникальность Нью-Йорка, штат Нью-Йорк, упаковывается для пересборки в Лас-Вегасе, вслед за египетскими пирамидами и Эйфелевой башней. Диснейленд — во Франции» [Gieryn, 2000: 463]. В социологии эти процессы нашли отражение в рефлексии о кризисе локальности, в частности о «фантазмагории» современного места [Giddens, 1990], «трансцендентности места» [Coleman, 1993] и городах «без места» [Variations..., 1992].

Как таковое место вовсе не чуждо социологии: самые разнообразные локации становятся местами посещения, наблюдения, экспериментирования, проведения обследований и интервью, вовлечения в сообщества. Но так ли часто места, посещаемые ими, удостоиваются более пристального внимания, чем в качестве платформы для применения объяснительного арсенала, разработанного не в этих местах и не для них? В своей статье Джирин призывает к социологии, чувствительной к месту; социологии, которая дала бы возможность месту — с его уникальной географией, материальностью, смыслами и репрезентациями, возникающими вокруг них, — говорить от себя¹.

Алексей Титков, подробнее см. Ретромания и ностальгия по советскому // Фонд Егора Гайдара. URL: <http://shaninka.gaidarfund.ru/articles/3335/tab1>, тайм-код: 22:20 (дата обращения: 30.05.2021).

¹ В качестве примера эмпирического исследования, проведенного в таком дизайне, см. [Gieryn, 2018].

Назад к Хоферу: о место-ориентированной ностальгии

В настоящее время мы имеем дело не только с «ускорением истории», но и, по-видимому, множественностью времени, протекающего неодинаково в различных местах в зависимости от социальных, экономических, политических, социокультурных, географических, а также, возможно, «бессознательных и даже психофизиологических»¹ факторов. Предположительно, взгляд на ностальгию через привычную призму современной темпоральности уже не дает достаточно эффективных инструментов для понимания и объяснения этого комплекса переживаний, возникающих в ответ на потрясения и стремительные перемены, по-разному происходящие в разных точках «аналоговой» и цифровой реальности. Тогда [ностальгическое] возвращение к истокам понятия позволит найти необходимые для этого интуиции.

Понятие ностальгии было впервые сформулировано в конце XVII века швейцарским врачом И. Хофером в его диссертации на соискание степени доктора медицины. Какие симптомы Хофер приписывал изобретенной им болезни и как именно предлагал ее лечить, относится скорее к предмету истории ностальгии. Более интересно то, что ностальгия определялась им не через призму времени и даже не в пространственных терминах, а как отношение к месту.

Хотя, как было показано выше, на определенном этапе место потеряло изначальное значение в исследованиях ностальгии, можно сказать, что оно обозначало свое незримое присутствие на протяжении всей истории изучения этого феномена. Говорим ли мы о старой Швейцарии, советском, девяностых, *belle époque* или счастливом детстве, все это в конечном счете не столько времени, сколько места во времени. Метафора места позволяет уловить ностальгическую интенцию сразу на нескольких уровнях: «место» здесь может пониматься не только как реальные локации, но и как места в онлайн-пространстве, а также как «локации во времени», которые ностальгически воображаются и «заселяются» разного рода объектами, артефактами, репрезентациями и смыслами.

Чувствительность к месту в изучении ностальгии — это предложение картировать *postos* тоскующего, исследуя его своеобычность и объясняя истоки его аутентичности. Это также внимание к местам реального мира, возможность локально говорить о себе на своем языке, измерение соотношений места желаемого и места действительного. В своей монографии 'Reclaiming Nostalgia: Longing for Nature in American Literature', посвященной ностальгическим репрезентациям в американской литературе XX века, Дженнифер Ладино пишет: «Что, если мы перестанем давать привилегию темпоральности и [вместо этого] начнем картировать ностальгию, следуя по ее расходящимся тропкам и фиксируя ее специфические траектории? Думаю, такого рода *возврат к месту [re-placing]* ностальгии придает ее объектам материальность и открывает новые возможности для осмысления

¹ Я благодарен Р.Н. Абрамову за эту интуицию.

функционирования этого явления» [Ladino, 2012]. Данный тезис поддерживается богатой литературой, посвященной разнообразным формам «потери места»: добровольным и вынужденным перемещениям [Erikson, 1967; Gans, 1962; Portes, Stepick, 1993; МакКанелл, 2016], репрезентациям «утраченной родины» в нарративах мигрантов [Kasinitz, 1992; Appadurai, 1996; Cohen, 1997], а также утрате символического значения места [de Certeau, 1984; Blu, 1996] или места как такового, как в случае бездомных, вынужденных находиться в постоянной мобильности [Dordick, 1997; Snow, Anderson, 1993; Wright, 1997].

Наконец, место-ориентированная оптика в изучении ностальгии — это в некотором роде возможность *заземления*, признание того, что и место, и *nostos* — такие, какие они есть, — имеют значение. Оптика локальности дает возможность быть более чуткими к переживанию утраты «дома» в прошлом и желанная его реконструкции в настоящем, не рассматривая их как «проявление исторического заблуждения»^{1,2}.

Ностальгия — многогранный и комплексный феномен, открытый к постоянным изменениям. Обращение к истории этого понятия показывает, что в каждую эпоху оно подвергалось переопределению в соответствии с требованиями времени. Внимание к проблематике места в ностальгии — возможность более понимающего и менее редукционистского взгляда на это захватывающее и сложное явление.

Литература

- Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Русский остров, 2004.
- Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем, 2016.
- Мороз О. Цифра все помнит. О цифровой памяти и бессмертии в цифровом пространстве // ПостНаука. 2020. URL: <https://postnauka.ru/talks/155294> (дата обращения: 30.05.2021).
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 30.05.2021).
- Рейнольдс С. Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого. М.: Белое яблоко, 2015.
- Сорокина А. Синдром политической ностальгии у российских студентов: диссертация кандидата политических наук. М., 2015.
- Старовойтенко А.Д. Между ностальгией и ретропией // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 18. С. 125–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.7>

¹ Подобная форма критики особенно характерна для исследований политической ностальгии [Бойм, 2018; Сорокина, 2015].

² Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Гефтер. 2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/11132> (дата обращения: 31.05.2021).

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 1996.

Blu K. "Where Do You Stay at?": Homeplace and Community among the Lumbee // Senses of Place / Ed. by S. Feld, K. H. Basso. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 1996. P. 197–227.

Blunt A. Collective Memory and Productive Nostalgia: Anglo-Indian Homemaking at McCluskieganj // Environment and Planning D: Society and Space. 2003. Vol. 21. P. 717–738. DOI: <https://doi.org/10.1068/d327>

Bonnett A. The Geography of Nostalgia: Global and Local Perspectives on Modernity and Loss. London: Routledge, 2015. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315882970>

Certeau M. de The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

Casey E. S. Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. Seattle: University of Washington Press, 1997. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203228920>

Coleman J. S. The Rational Reconstruction of Society // American Sociological Review. 1993. Vol. 58. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096213>

Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia. New York: Free Press, 1979.

Dijke M. van et al. Nostalgia Promotes Intrinsic Motivation and Effort in the Presence of Low Interactional Justice // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2019. Vol. 150. P. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.003>

Dodman T. What Nostalgia Was: War, Empire, and the Time of a Deadly Emotion. Chicago: University of Chicago Press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226493138.001.0001>

Dordick G. A. Something Left to Lose: Personal Relations and Survival Among New York's Homeless. Philadelphia: Temple University Press, 1997.

Erikson K. Everything in Its Path: Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood. New York: Simon & Shuster, 1967.

Gans H. J. Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. New York: Free Press, 1962.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Gieryn T. F. A Space for Place in Sociology // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. № 1. P. 463–496. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>

Gieryn T. F. Fallen Columns Tell Credible Stories // Contexts. 2018. Vol. 17. № 2. P. 52–59. DOI: <https://doi.org/10.1177/1536504218784892>

Kasinitz P. Caribbean New York: Black Immigrants and the Politics of Race. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

Ladino J. Reclaiming Nostalgia: Longing for Nature in American Literature. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012.

MacCanell D. (2016) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The Tourist. A New Theory of the Leisure Class]. Moscow: Ad Marginem, 2016. (In Russ.)

Portes A., Stepick A. City on the Edge: The Transformation of Miami. Berkeley: University of California Press, 1993.

Shaw C., Chase M. The Imagined Past: History and Nostalgia. Manchester: Manchester University Press, 1989.

Snow D., Anderson L. Down on Their Luck: A Study of Homeless Street People. Berkeley: University of California Press, 1993.

Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space / Ed. by M. Sorkin. New York: Hill & Wang, 1992.

Starobinski J., Kemp W. S. The Idea of Nostalgia // Diogenes. 1996. Vol. 14. No. 54. P. 81–103. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F039219216601405405>

Wright T. *Out of Place: Homeless Mobilizations, Subcities, and Contested Landscapes*. Albany: State University New York Press, 1997.

Сведения об авторе:

Старовойтенко Андрей Дмитриевич — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: astarovojtenko@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-1225-1822](https://orcid.org/0000-0002-1225-1822); **ResearcherID:** [AAD-1839-2021](https://orcid.org/AAD-1839-2021).

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021

Принята к публикации: 30.05.2021

The Revenge of Nostos: On Place in Nostalgia Studies

DOI: [10.19181/inter.2021.13.2.3](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.3)

Andrey D. Starovoytenko *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: astarovojtenko@hse.ru

Nostalgia is generally understood by social sciences and humanities in temporal terms [Blunt, 2003] and as modernity’s by-product. It is argued that in face of the «global triumph of memory» [Nora, 2005] and the consumerist colonization of the past, looking at nostalgia through the lens of modern temporality is no longer understanding and explaining this complex of experiences. The article is an attempt at a critique of temporal-centered nostalgia by appealing to place. Place-sensitive nostalgia studies lend an opportunity for a less reductionist view of this fascinating and complex phenomenon.

Keywords: nostalgia; memory; place; retromania; past; present

References

Abramov R. N. (2012) *Vremya i prostranstvo nostal'gii* [Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 5–23. (In Russ.)
Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minneapolis Press.
Assman A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Forgetting history is an obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
Blu K. (1996) "Where Do You Stay at?": Homeplace and Community among the Lumbee. In: Feld S., Basso K. H. (eds.) *Senses of Place*. Santa Fe: School for Advanced Research Press. P. 197–227.
Blunt A. (2003) Collective Memory and Productive Nostalgia: Anglo-Indian Homemaking at McCluskieganj. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 21. P. 717–738. DOI: <https://doi.org/10.1068/d327>
Bonnett A. (2015) *The Geography of Nostalgia: Global and Local Perspectives on Modernity and Loss*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315882970>

Старовойтенко Андрей Дмитриевич. Месть nostos: о значении места в исследованиях ностальгии

- Boym S. (2019) *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Casey E. S. (1993) *Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World*. Bloomington: Indiana University Press.
- Certeau M. de (1984) *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Cohen R. (1997) *Global Diasporas: An Introduction*. Seattle: University of Washington Press. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203228920>
- Coleman J. S. (1993) The Rational Reconstruction of Society. *American Sociological Review*. Vol. 58. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096213>
- Davis F. (1979) *Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia*. New York: Free Press.
- Dijke M. van et al. (2019) Nostalgia Promotes Intrinsic Motivation and Effort in the Presence of Low Interactional Justice. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 150. P. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.003>
- Dodman T. (2017) *What Nostalgia Was: War, Empire, and the Time of a Deadly Emotion*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226493138.001.0001>
- Dordick G. A. (1997) *Something Left to Lose: Personal Relations and Survival Among New York's Homeless*. Philadelphia: Temple University Press.
- Erikson K. (1967) *Everything in its Path: Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood*. New York: Simon & Shuster.
- Gans H. J. (1962) *Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York: Free Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Gieryn T. F. (2000) A Space for Place in Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 463–496. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>
- Gieryn T. F. (2018) Fallen Columns Tell Credible Stories. *Contexts*. Vol. 17. No. 2. P. 52–59. DOI: <https://doi.org/10.1177/1536504218784892>
- Kasinitz P. (1992) *Caribbean New York: Black Immigrants and the Politics of Race*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ladino J. (2012) *Reclaiming Nostalgia: Longing for Nature in American Literature*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Lowenthal D. (2004) *Proshloe — chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. St. Petersburg: Russkij ostrov. (In Russ.)
- Moroz O. (2020) *Tsifra vse pomnit. O tsifrovoy pamyati i bessmertii v tsifrovom prostranstve* [The figure remembers everything. About digital memory and immortality in digital space] Postnauka. URL: <https://postnauka.ru/talks/155294> (accessed 31 May 2021). (In Russ.)
- Nora P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [The Global Triumph of Memory]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency reserve]. No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed 31 May 2021). (In Russ.)
- Portes A., Stepick A. (1993) *City on the Edge: The Transformation of Miami*. Berkeley: University of California Press.
- Reynolds S. (2015) *Retromaniya. Pop-kul'tura v plenu sobstvennogo proshlogo* [Retromania. Pop-Culture's Addiction to Its Own Past]. Moscow: Beloe yabloko. (In Russ.)
- Shaw C., Chase M. (1989) *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press.
- Snow D., Anderson L. (1993) *Down on Their Luck: A Study of Homeless Street People*. Berkeley: University of California Press.
- Sorkin M. (ed.) (1992) *Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space*. New York: Hill & Wang.
- Sorokina A. (2015) *Sindrom politicheskoy nostalgii u rossijskikh studentov* [Political Nostalgia Syndrome Among Russian Students]. PhD Thesis. Moscow, 2015.

Starobinski J., Kemp W.S. (1966) The Idea of Nostalgia. *Diogenes*. Vol. 14. No. 54. P. 81–103. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F039219216601405405>

Starovoitenko A. D. (2019) Mezhdú nostalg'iej i retrotopiej [Between Nostalgia and Retrotopia]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 11. No. 18. P. 125–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.7>

Wright T. (1997) *Out of Place: Homeless Mobilizations, Subcities, and Contested Landscapes*. Albany: State University New York Press.

Author bio:

Andrey D. Starovoytenko — Graduate Student, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: astarovojtenko@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-1225-1822](https://orcid.org/0000-0002-1225-1822); **ResearcherID:** [AAD-1839-2021](https://pubs.acs.org/author/AAAD-1839-2021).

Received: 30.04.2021

Accepted: 30.05.2021

Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей¹

DOI: [10.19181/inter.2021.13.2.4](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4)

Ссылка для цитирования:

Писаренко И. А., Заиченко Л. И. Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 54–80. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>

For citation:

Pisarenko I. A., Zaichenko L. I. (2021) Parents as Agents of Influence on Children's Digital Skills Development. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 54–80. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>

Писаренко Ирина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ixkpps@gmail.com

Заиченко Людмила Игоревна

Таллинский университет, Таллин, Эстония

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-mail: luciazai@tlu.ee

В настоящее время многие родители испытывают дефицит компетентности в области цифровых технологий, однако вынуждены стать агентами «цифровой социализации» своих детей, так как уже в самом раннем возрасте дети знакомятся с различными гаджетами. Для изучения цифровых аспектов детско-родительских отношений авторы статьи опирались на исследование, включавшее в себя вопросы об уровне компетентности родителей (в том

¹ В статье использованы результаты исследовательского проекта № 19–29–14060 «Управление развитием образовательных отношений субъектов начальной школы в условиях цифровизации», поддержанного РФФИ.

числе цифровой компетентности), их позициях в отношении развития цифровых навыков у своих детей; стратегиях решения проблем, возникающих из-за увлечения детей компьютерными играми и Интернетом; запросах к системе образования в связи с цифровизацией образовательного процесса. Основным методом сбора данных было двухэтапное анкетирование родителей учеников начальной школы. В результате были выделены несколько групп родителей по двум основаниям: отношение к цифровизации (сторонники и противники) и уровень цифровой компетентности (низкий — средний — высокий). Согласно полученным данным, большая часть родителей относит себя к компетентным (60%) и очень компетентным (17%) цифровым пользователям. Обнаружены прямые зависимости между уровнем цифровой компетентности родителей и 1) их отношением к цифровизации — чем более компетентным считал себя респондент, тем более позитивным было это отношение; 2) их активностью в формировании цифровых навыков детей, восприятием ребенка как субъекта самообразования в цифровой действительности.

Полученные данные отражают спектр мнений родителей, который необходимо учитывать при взаимодействии с современной семьей и оказании помощи ей на всех этапах социализации ребенка.

Ключевые слова: цифровая компетентность родителей; родительская ИКТ-медиация; ИКТ-аттитуды родителей; цифровые навыки детей; отношение к цифровизации

Введение

С развитием цифровых и информационных технологий и постепенным переходом к префигуративному типу культуры актуализируется проблема вхождения детей в цифровой мир. Семья играет доминирующую роль в становлении личности, а потому потенциал родителей как агентов цифровой адаптации и развития субъектности ребенка сложно переоценить. Особенно актуально изучать механизмы формирования отношения детей к цифровым инструментам и гаджетам в период поступления их в начальную школу, когда меняется вид ведущей деятельности и появляются новые образовательные, коммуникативные и социальные задачи. Приходя в школу, современный ребенок уже, как правило, знаком с разными цифровыми устройствами и владеет какими-либо цифровыми навыками, но до периода систематического обучения эти навыки используются преимущественно в развлекательных целях. Соответственно, именно на этом этапе возрастает значимость психолого-педагогической и цифровой компетентности родителей, позволяющей конвертировать «развлекательный» интерес ребенка в интерес образовательный, и далее — помогать ученику стать субъектом своего образования.

В данной статье мы попытаемся «в первом приближении» раскрыть специфику родительского влияния на цифровое развитие детей, так как это относительно новый аспект детско-родительских и образовательных отношений.

Мы опираемся на исследование, проведенное нами в феврале 2020 года и посвященное изучению отношений субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации, а также становлению цифровой компетентности детей. В статье приводятся данные, касающиеся уровня цифровой компетентности родителей учеников начальной школы, их позиций в отношении возраста начала обучения детей цифровым навыкам. Анализируются запросы родителей на конкретные цифровые навыки, которые они считают необходимым развивать у своих детей, а также мнение родителей о том, кто именно должен развивать эти навыки и какую роль в этом процессе они отводят себе. Обращаем внимание читателя на то, что данный срез родительских мнений был сделан до начала пандемии коронавируса, когда у родителей и детей еще не было опыта массового перехода на дистанционное образование, поэтому полученные исследовательские данные могут быть также использованы в сравнительных исследованиях аналогичной тематики.

Родители и «цифра»: что происходит в мире?

Тема влияния установок родителей в отношении цифровых технологий на воспитание и субъектность детей прослеживается в современных международных исследованиях во множестве научных статей, посвященных: родительской ИКТ-медиации; ИКТ-установкам родителей; взаимосвязи ИКТ-установок с цифровой, компьютерной и информационной грамотностью ребенка; выбору родительских медиационных и/или ИКТ-стратегий; роли родителей в процессе погружения ребенка в цифровую среду, которая варьируется от «хранителей» к «проводникам» [Dias et al., 2016].

Влияние ИКТ-установок родителей на субъектность ребенка так или иначе прослеживается в каждом из них. По большей части авторы различных исследований пытаются обозначить разнонаправленные позиции родителей, охраняющих своих детей от опасностей, связанных с проникновением ИКТ в повседневную жизнь, и детей, имеющих право на свободу самовыражения, которая проявляется в том числе (и все больше) онлайн. Здесь особым образом выделяются поддержка и медиация детей в (1) процессе освоения цифровых девайсов и выхода в Интернет; (2) период «транзита» из детства в юность, когда роль технологий приобретает особое значение и последние воспринимаются не только как элемент самовыражения, но и как код признания среди друзей.

Практики родительской ИКТ-медиации в большинстве своем выражаются в мониторинге и ограничении ребенка при взаимодействии с технологиями, что, несомненно, ведет за собой ограничение субъектности ребенка в его автономном развитии [Livingstone, Helpser, 2008; Stattin, Kerr, 2000]. Использование детьми технологий с раннего детства также часто приводит к «родительской тревожности» [House, 2012], все без исключения исследования (вне зависимости от национальной и культурной принадлежности семьи) подчеркивают высокую степень неопределенности и ощущение риска,

которые транслируют родители, когда разговор заходит о взаимодействии их ребенка с цифровой средой.

Ряд европейских исследований акцентируют внимание на противопоставлении родителями физической активности и компьютерных девайсов в воспитании ребенка. В одном из таких исследований [Dardanou et al., 2020] опрос родителей показал, что они ностальгируют по своему детству, когда «играть на улицах можно было вдоволь», это формирует особый «родительский стиль» и «родительскую стратегию», которые не ставят использование планшетов в воспитании на первое место. Физическая активность детей для большей части родителей континентальной Европы (включая Скандинавию) связана с «хорошим детством», в то время как дискурс об использовании технологий в развитии ребенка ассоциируется не в последнюю очередь с «огромной опасностью» [Dardanou et al., 2020].

Родители по-разному распределяют свои роли медиаторов в процессе воспитания в ребенке ИКТ-компетенций. На непрерывном отрезке разных ролей и функций, которые родители берут на себя с целью ассистировать ребенку в использовании различных цифровых девайсов, наиболее полными являются роли «хранителя» и «проводника»: в первом случае ребенок подвергается жесткому мониторингу и контролю в использовании компьютера, что часто ограничивает его субъектность и право голоса, а во втором родитель соучаствует в совместном раскрытии потенциала цифрового мира. Исследования уже показали [Chaudron et al., 2017], что родители из скандинавских семей — больше «проводники», в южных же странах Европейского континента родители скорее «хранители».

Предыдущие исследования в области родительской медиации в отношении цифрового воспитания детей [Livingstone, Helsper, 2008] выделяют четыре фактора, которые характеризуют родительские стратегии при взаимодействии их детей с Интернетом: (1) активное соиспользование; (2) вторжение с целью общих ограничений (как правило, временных); (3) вторжение с целью технических ограничений (как правило, ограничения по контенту); (4) мониторинг (проверка онлайн-активностей детей). При этом, вне зависимости от того, какую стратегию выбирают родители, исследователи подчеркивают, что их поведение часто обусловлено недостатком информации, информационным разрывом между тем, что ребенок знает о цифровых девайсах, и представлениями его родителей о том, что он знает.

Важно подчеркнуть, что все исследования (независимо от страны происхождения) акцентируют внимание на взаимосвязи уверенности родителей в использовании технологий и их восприятии технологий в воспитании. Также есть все основания предполагать [Johansen et al., 2016; Kruistum, Steensel, 2016], что, если школа активно внедряет технологии в обучение, взгляд родителей формируется более ясно. Это способствует использованию технологий дома, а роль родителей смещается от «хранителей» к «проводникам».

Одновременно с этим интересно отметить другой феномен, исследуемый в Сингапуре [Wang, 2020], — ИКТ-медиация детей, или медиация «снизу вверх», «трансляция снизу вверх», «медиопосредничество». В этом случае

исследователи говорят о том, что в паре «ребенок — родитель» первый становится «цифровым инструктором», или «цифровым гуру», который помогает родителям устанавливать техническое оборудование, приобретать базовые цифровые навыки, интегрировать технологии в повседневную жизнь [Correa, 2014; 2015; Stewart, 2007]. Такая асимметрия ролей, согласно данному кейсу, может способствовать как конфликтам и фрустрации со стороны старшего поколения, так и обновлению взаимоотношений родителей с ребенком, при этом во втором случае родители (в данном случае — мамы) не только улучшали свои цифровые навыки и знания, но и способствовали воспитанию в ребенке чувства большей уверенности, ответственности, проявлению субъектности.

Многие авторы пишут о «цифровом разрыве», утверждая, что он обусловлен не только физическим доступом к цифровым девайсам, но и различиями эффективных / неэффективных стратегий использования ИКТ [Deursen, Dijk, 2014]. Такой разрыв может быть связан с географическим положением места жительства семьи (разрыв компетенций между пользователями в городской среде и сельской местности), но также и с культурным капиталом семьи [Yuen et al., 2018], более того, культурный капитал, по мнению исследователей, включает в себя умение применять ИКТ-знания в соответствии с поставленными задачами.

Авторы [Yuen et al., 2018] исследования, проведенного в Гонконге, также обозначают такое явление, как ИКТ-культурный капитал (или цифровой культурный капитал) родителей: культурная компетенция родителей в стратегическом применении своих цифровых навыков для эффективной медиации использования ИКТ их детьми с целью научить последних использовать ИКТ эффективно в соответствии со стандартами общества. Именно цифровой культурный капитал родителей или его отсутствие, по мнению исследователей, может быть причиной возникающего цифрового неравенства. Проведенные в исследовании интервью показали, что ИКТ-компетенции родителей сильно варьировались в зависимости от уровня образования и рода занятий. Родители с более высокой ИКТ-компетентностью были в большей степени способны оказывать поддержку и руководство детям в использовании технологий дома. Такие родители были требовательны и отзывчивы одновременно, последовательно применяя обдуманые стратегии в ИКТ-медиации. Те же из родителей, кому не хватало ИКТ-компетенций, были менее последовательны в своем «цифровом поведении» — они либо разрешали детям пользоваться технологиями без их поддержки, либо устанавливали правила, соблюдение которых сами не проверяли, что ухудшало межличностную коммуникацию в семье и увеличивало отчуждение детей от родителей.

Культурный капитал родителей и их стратегии, по мнению авторов [Yuen et al., 2018], влияют на цифровой разрыв первостепенным образом, последний воспроизводит сам себя каждый раз, когда родители недостаточно хорошо регулируют взаимодействие детей с цифрой и отказываются принимать участие в цифровом воспитании детей. Родители должны признавать важность таких навыков, как умение обсуждать с ребенком его опыт использования технологий; умение обсуждать с ребенком опасности чрезмерного использования

сети Интернет; умение вдохновлять ребенка использовать технологии эффективно; способность разделять с ребенком такие радости, как совместная игра в компьютерные приложения, совместный просмотр фильмов, социальных медиа. Также, по мнению исследователей, важно выявлять родителей, сильно обеспокоенных не всегда адекватным использованием технологий со стороны ребенка, и предоставлять им тренинги и соответствующую поддержку для повышения уверенности в себе и эффективности самих родителей.

Изучая проблему «цифрового следа», исследователи акцентируют внимание на первостепенной роли родителей в создании детьми «позитивного» (положительного) цифрового следа, или цифровой репутации [Fertik, Thompson, 2015], которая важна людям для повышения своих жизненных шансов и успешного развития карьеры. Цифровой след можно понимать как собственный актив, личный бренд, позволяющий другим видеть тебя и испытывать к тебе интерес. Родители знают о потенциально негативных последствиях, которые влекут за собой цифровые следы детей, и часто пытаются выступать с различными медиационными стратегиями, которые могут предотвращать не только репутационный вред, но и онлайн-риски, учитывая субъектность детей в момент пользования Интернетом [Facer, 2012]. Исследователи дают понять, что роль родителей в создании ребенком положительного цифрового следа первостепенна. Более того, баланс между разрешительными и ограничительными стратегиями родителей в продвижении онлайн-активностей ребенка позволит накапливать новые необходимые знания, навыки и практики, которые, в свою очередь, будут способствовать развитию цифрового капитала ребенка.

В отличие от зарубежных исследователей, российские ученые пока только начинают изучать специфику детско-родительских отношений в новом цифровом мире. Среди основных трендов можно выделить два: изучение проблем, связанных с информационными и цифровыми рисками [Панов, Патраков, 2020; Солдатова и др., 2017; Солдатова, Шляпников, 2015; Шпагина, Чиркина, 2019], и проблем освоения детьми цифровых устройств и интернет-социализации [Коптева, 2017; Лучинкина, 2018; Патраков, 2019; Синягина, 2018]. После карантина в связи с коронавирусной инфекцией актуализировался интерес ученых к проблемам цифровой компетентности родителей [Рудаков, 2020; Солдатова, Рассказова, 2020] и дистанционного обучения [Исаева и др., 2020; Косарецкий, 2020; Сивак, 2020; Суннатова, 2020]. Все вышеперечисленные исследования имели своим объектом преимущественно подростков, однако в процессе теоретического анализа удалось обнаружить и несколько отечественных и зарубежных исследований, посвященных вхождению в цифровой мир детей младшего возраста [Бахадова, 2019; Буцык, 2020; Солдатова, Вишнева, 2019; Солдатова, Теславская, 2019; Mikelic Preradovic et al., 2016; Przybylski, Mishkin, 2016; Zimmer et al., 2019].

В данных исследованиях существенным фактором развития у детей цифровых навыков и киберсоциализации является помощь родителей и их цифровая компетентность. Авторы отмечают, что риски цифровизации в большей мере связаны не с самими цифровыми устройствами, а с характером отношений субъектов взаимодействия. Некоторые исследования констатируют прямую

зависимость формирования адекватного поведения детей в интернет-среде от качества сотрудничества детей и родителей [Арнаутова, 2018; Батенова и др., 2019; Бродовская и др., 2020; Понукалина, 2020]. Примечательно, что в вопросах выстраивания эффективных отношений с «цифровыми» детьми и обеспечения их информационной безопасности многие родители надеются на педагогов, хотя те сами нуждаются в повышении своей цифровой компетентности [Бовина и др., 2016; Будыкин и др., 2016], что служит дополнительным фактором образовательной нагрузки на семью, вынужденную справляться с цифровыми рисками самостоятельно.

Проведенный научно-теоретический анализ показал, что основной акцент в современных исследованиях делается на изучении родительских ИКТ-стратегий и преимущественно в отношении подростков. Семьи с детьми младшего школьного возраста практически не изучаются, что делает осуществленное нами исследование родителей учеников начальной школы актуальным для современной практики образования.

Материалы и методы исследования

В исследовании ставилось несколько задач, однако в данной статье отражены результаты решения только двух из них: выявление уровня *цифровой компетентности* родителей (на основе их самооценивания) и их *позиции* относительно своей роли в развитии цифровых компетенций у школьников, так как эти два параметра оказались связаны друг с другом.

Основным методом исследования было анонимное *анкетирование* с помощью традиционных бумажных анкет, содержащих 15 вопросов открытого и закрытого типа. Открытые вопросы касались проблем, которые возникают у родителей в связи с цифровизацией образовательного процесса, а также позитивных/негативных ожиданий от ее реализации в перспективе.

Данный метод был выбран потому, что он позволял участвовать в опросе даже тем респондентам, которые не владеют информационными технологиями, и, к тому же, был привычен для родителей школьников.

Процедура анкетирования включала два этапа: подготовительный и основной.

На подготовительном этапе происходила апробация разработанного диагностического инструмента, после которой вопросы были откорректированы для лучшего понимания их респондентами и сгруппированы в таблицы для оптимизации объема текста. На основном этапе в анкетировании участвовало 118 родителей в возрасте от 29 лет до 61 года, дети которых посещали одну и ту же начальную школу (при этом в опросе родители давали ответы обо всех своих детях, а не только о тех, кто учился в начальной школе). Гендерный и возрастной фактор респондентов не учитывался как значимый. Опрос проходил в период с 10 по 25 февраля 2020 года путем раздачи анкет на родительском собрании. Поскольку большинство родителей или членов семьи встречают учеников начальной школы после уроков, сбор анкет происходил

в момент прихода родителей в школу в один из дней выбранного периода. Анализ данных проводился при помощи описательной статистики.

Существенным моментом проведенного опроса является то, что он проводился в период *до наступления пандемии коронавируса и самоизоляции*, поэтому позиции родителей были зафиксированы на момент протекания обычной школьной жизни и отражают те страхи, барьеры и ожидания, которые существовали у них в ситуации фрагментарного знакомства с цифровыми инструментами и процессами.

Уровень цифровой компетентности родителей

Выявление степени включенности родителей в цифровую среду было важным элементом исследования, так как опасения у людей часто связаны с неверным представлением о новом (незнакомом) объекте, которым сегодня является цифровизация. Соответственно, определив уровень так называемой цифровой компетентности родителей, основанной исключительно на самооценке респондентов (как они сами «чувствуют себя» в цифровой среде), можно понять, является ли ее повышение действенным способом снизить их тревожность и повысить уверенность в необходимости использования новых инструментов в образовании.

Как показал опрос, основная масса родителей оценивает себя как уверенных цифровых пользователей (данная группа была названа «Компетентные», их оказалось более 60%). Тем не менее довольно высока доля родителей, которые недостаточно активно и уверенно используют цифровые инструменты (группа «Некомпетентные», 25,4% респондентов). Примерно 1/6 часть позиционирует себя как профессиональных пользователей (группа с условным названием «Профессионалы», около 17%). Это значит, что в родительском сообществе есть те, кто может стать своеобразным проводником и даже экспертом в процессе развития цифровых технологий в образовании.

Сторонники и противники цифровизации: кто они?

Одной из задач исследования было выявление связи уровня цифровой компетентности родителей (и наличия у них цифрового опыта) с тем, являются ли они сторонниками и противниками цифровизации. Для разделения родителей на группы по этому параметру в предлагаемых вариантах содержался прямой ответ «Мои опасения очень существенны, поэтому я против введения цифровизации в школе», который выбрали 29 человек (24,6%), именуемых в дальнейшем «противниками цифровизации». Остальные (89 человек, 75,4%) попали в группу «сторонников цифровизации» (ответ «Мои опасения не очень существенны, так как можно подумать о том, как обезопасить детей от проблем, связанных с цифровизацией»).

При выявлении специфики позиций сторонников и противников в зависимости от их уровня цифровой компетентности выяснилось, что «Профессионалы» имеют более четкую позицию по многим вопросам и испытывают меньше опасений от грядущих «цифровых» изменений. Их опасения связаны в большей степени с подготовленностью базы для введения цифровизации (техника, кадры), чем с ее негативным влиянием на субъектов.

Также было выявлено, что самые большие и разнообразные опасения возникают у «Компетентных» родителей. По всей видимости, они интересуются этой темой, получают информацию из разных источников, но не всегда способны оценить ее адекватно. Это предположение подтверждается и тем, что именно в этой группе больше всего родителей, выражающих существенные опасения по поводу цифровизации в школе.

Далее остановимся на связи «цифрового» опыта родителей и их отношения к переходу на цифровизацию.

Как показал опрос, подавляющее большинство родителей (74,6%) имели опыт использования цифровых технологий в образовании своих детей, хотя доля не имевших такого опыта также представляется весьма существенной.

Анализ ответов респондентов позволил соотнести три параметра: уровень цифровой компетентности родителей, существенность (значимость для них) опасений в связи с цифровизацией обучения и имеющийся у них опыт использования цифровых технологий. Было выявлено, что цифровой опыт родителей, полученный в процессе обучения ребенка, существенно влияет на его отношение к цифровизации: чем менее компетентным чувствует себя родитель в информационной/цифровой среде, и чем меньше у него опыта взаимодействия с ней, тем более значимы его опасения.

Данные результаты позволяют предположить, что уровень компетентности родителей в области цифровых технологий может повлиять на их оценку недостатков и преимуществ цифровизации в образовании. Следовательно, одной из задач агентов введения цифровизации может стать соответствующая информационно-просветительская работа с семьей, направленная на профилактику «цифровой мифологии».

Цифровая компетентность детей по оценкам родителей

Анализ ответов респондентов позволил выявить возраст так называемого цифрового дебюта детей. Родителям задавался вопрос о том, какими техническими средствами (гаджетами) и в каком возрасте пользуются их дети. Выяснилось, что даже самые маленькие дети (от 1 года) уже являются «цифровыми» пользователями. Поскольку в задачи исследования не входило детальное изучение возрастной специфики в использовании гаджетов, вполне объяснимо, что значительная часть детей — цифровых пользователей оказалась учениками начальной школы (65%), а среди дошкольников таких 14%. В зависимости от возраста встречаются две комбинации: смартфон + ноутбук (дети начальной школы) и смартфон + компьютер (дети старшего возраста).

У дошкольников наиболее востребован планшет.

Один из вопросов касался уровня цифровой компетентности детей в оценке родителей. Он задавался респондентам с целью понять, видят ли они необходимость в специальном обучении своих детей, имеющих недостаточный, по их мнению, уровень цифровой компетентности.

Анализ ответов показал, что родительские оценки уровня цифровой компетентности детей варьируются во всю ширину шкалы — от 1 до 10 баллов.

При переводе количества оценок в проценты учитывались только анкеты, содержащие ответы на данный вопрос. Отметим, что родители либо вовсе не отвечали на вопрос, либо оценивали всех своих детей, даже годовалого возраста. Например, один родитель предпочел поставить такому ребенку «0» баллов, но не обойти его вниманием.

Напомним, что доля учеников начальной школы в возрасте от 8 до 10 лет составила более половины от всех оцениваемых родителями детей (65,2%). Всего родители оценили компетентность 135 детей разного возраста, из которых 90 были учениками начальной школы.

Поскольку в фокусе нашего исследовательского внимания были родители детей вторых и третьих классов, в Таблице 1 приведены данные только по этому возрастному диапазону (8–10 лет).

Таблица 1

Оценки родителями уровня цифровой компетентности своих детей

Количество детей, имеющих соответствующий уровень цифровой компетентности, n = 90 (1 — низкий уровень, 10 — высокий уровень)									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	7	13	13	22	5	16	10	1	2

Данные опроса показывают, что основная масса родителей оценивают уровень владения детьми цифровыми навыками как средний, хотя довольно значительная часть (почти четверть) склонна считать своих детей не вполне хорошо ориентирующимися в цифровой среде.

Далее осуществлялся анализ ответов родителей, обладающих разным уровнем цифровой компетентности («Профессионалы», «Компетентные», «Некомпетентные») и по-разному относящихся к цифровизации (сторонники и противники). Было выявлено, что среди этих групп есть некоторая закономерность: сторонники цифровизации склонны значительно расширять диапазон своих оценок, в то время как противники — сужать. Так, «Профессионалы», выступающие за цифровизацию, ставят своим детям от 2 до 9 баллов; «Профессионалы», являющиеся противниками цифровизации, ставят детям от 7 баллов, то есть, возможно, существенно завышают их реальный образовательный уровень, считая, что дети «и так все знают». «Компетентные» родители, выступающие за цифровизацию, оценивают детей в диапазоне от 2 до 10 баллов, в то время как «Компетентные» противники — от 3 до 7 баллов. Что касается «Некомпетентных» противников, то их диапазон составляет

от 2 до 8 баллов, а «Некомпетентные» сторонники цифровизации оценивают детей от 1 до 10 баллов. Этот тренд можно объяснить тем, что люди, имеющие больше опасений, затрудняются в дифференциации уровня цифровой компетентности своих детей.

Встречались анкеты, в которых родители довольно высоко оценивали своих 6-летних детей (уровень 8 и 9). В некоторых анкетах родители ставили всех своих детей разного возраста (5, 12 и 16 лет) на один и тот же уровень компетентности. Кроме того, выяснилось, что почти все 9–10-балльные оценки поставили своим детям родители, поддерживающие цифровизацию. Как показал последующий анализ, эти родители испытывают меньше опасений — возможно, потому, что считают своих детей достаточно подготовленными к этому процессу.

Примечательно, что родители пытались оценить и уровень совсем маленьких детей — 1, 2 и 3 года). Иными словами, для родителей вполне естественно, что малыш, не умеющий еще ходить и говорить, вполне может быть «цифровым пользователем». По всей видимости, дети данного возраста уже каким-то образом взаимодействуют с гаджетами (нажимают кнопки, смотрят изображение и т.д.), если родители упоминают об этом в своих ответах.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что оценка родителями уровня цифровой компетентности своих детей отличается широкой *вариативностью* и *субъективностью*. Это значит, что у родителей нет четкого представления о том, какой уровень цифровой подготовленности является (не)достаточным для ребенка соответствующего возраста. Исследованием зафиксировано, что даже дети одной возрастной группы, обучающиеся в одних и тех же условиях и имеющие один и тот же опыт использования цифровых средств, в представлениях родителей существенно отличаются друг от друга по уровню компетентности. Соответственно, можно предположить, что у *родителей нет критериев оценивания собственных детей* в этой сфере, и это может служить дополнительным аргументом в пользу специального обучения родителей «цифровой экспертизе».

Формирование цифровых навыков

а) навыки

В исследовании изучался вопрос, когда и кто должен повышать цифровую компетентность детей, и какие конкретно навыки необходимо у них развивать (формировать). (Вопрос «Какие навыки в области цифровых технологий, по Вашему мнению, нужно развивать у детей?»)

Ответы родителей представлены в Таблице 2. Поскольку респонденты могли выбирать неограниченное количество ответов, их значение суммарно превышает количество респондентов, ответивших на данный вопрос.

Таблица 2

Распределение ответов родителей на вопрос о цифровых навыках, которые необходимо развивать у детей начальной школы

Ответы респондентов	Количество респондентов, выбравших данный вариант ответа
а. Учить пользоваться гаджетами	13
б. Учить пользоваться компьютерными программами	92
с. Учить использовать электронные сервисы	59
д. Формировать навыки безопасности в цифровой среде	89
е. Учить пользоваться цифровыми образовательными платформами (учиться самостоятельно с их помощью)	74
ф. Учить общаться в социальных сетях	11
г. Другое	5

Как видно из представленных данных, самое большое внимание родители уделяют техническим навыкам детей и навыкам безопасности. Коммуникативным навыкам (ответ «**ф**») родители придают гораздо меньшее значение. Это можно объяснить несколькими, иногда полярными, причинами: либо, по мнению родителей, дети достаточно компетентны в этом вопросе, а потому учить их специально нет смысла; либо родители не считают это умение важным для жизни в цифровом мире; либо основная часть детей начальной школы пока не пользуется социальными сетями (во что трудно поверить) и для родителей это не является значимой проблемой.

Что касается возраста детей, с которого родители хотели бы развивать у них навыки общения в соцсетях, то здесь можно наблюдать большое разнообразие (от 2 до 15 лет). Примечательно, что родители более старших детей (которые наверняка много времени проводят в интернет-общении) не обеспокоены низким уровнем компетентности детей в этом вопросе.

Отметим, что за обучение навыкам общения в социальных сетях ратуют исключительно сторонники цифровизации и только 1 «противник».

Среди сторонников цифровизации, в свою очередь, доля родителей, которые считают важным развивать у детей навыки общения в соцсетях, распределилась следующим образом: 50% родителей с высоким уровнем цифровой компетентности («Профессионалы»), 45% родителей со средним уровнем компетентности («Компетентные») и 25% «Некомпетентных» родителей. Иными словами, наблюдается тенденция: *чем более компетентен родитель, тем больше значения он придает коммуникации в цифровой среде.*

Это можно объяснить тем, что у сторонников цифровизации есть понимание неизбежности интернет-коммуникаций, а значит, к ней нужно готовить ребенка так же, как и к любому другому виду деятельности.

Определенным образовательным потенциалом обладает и развитие такого навыка, как обучение детей самостоятельной работе с цифровыми платформами.

Вполне естественно, что пока не все родители понимают суть этого процесса, но то, что подавляющее большинство выбравших этот вариант ответа имели опыт использования цифровых технологий в учебном процессе своих детей, может свидетельствовать о том, что этот опыт был как минимум позитивным.

Дополнения родителей к последнему варианту ответа (**g**) были немногочисленны:

— «Общая компьютерная грамотность».

— «Развивать навыки программирования», «учить писать программы самим».

— «**b** и не более!» (имелось в виду, что ребенку нужен только один навык — «Учить пользоваться компьютерными программами», ответ **b**).

Встречались и более развернутые дополнения (например «Сформировать понятие, что цифровые технологии — это инструмент для саморазвития и помощник в учебе, а уже потом — развлечение»), и более эмоциональные («Гаджетов слишком много, хочется, чтобы у ребенка было нормальное детство!»).

Данные опроса позволяют констатировать, что подавляющее большинство родителей рассматривает развитие цифровых навыков у своих детей как повышение их «технической», а не коммуникативной компетентности, хотя взрослые часто сетуют на чрезмерную увлеченность детей интернетом и компьютерными играми. Кроме того, выявлено, что именно опыт участия в «цифровом» обучении в большей мере способствует позитивному настрою родителей и помогает им понять ценность самообразования для своих детей. Также анализ результатов опроса показал, что уровень цифровой компетентности родителей может расширять диапазон их представлений о том, какие навыки необходимо развивать детям для жизни и обучения в цифровой среде. Соответственно, малокомпетентные родители вряд ли смогут самостоятельно справиться с этой задачей.

б) возраст

Немаловажным для нашего исследования было выявление позиции родителей относительно возраста, с которого, по их мнению, необходимо начинать «цифровое» обучение. Им была предложена шкала, на которой можно было отметить только одно число. Обобщенные ответы представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Распределение ответов родителей о предпочитаемом возрасте детей, в котором необходимо начинать их обучение цифровым навыкам

	Возраст ребенка, лет															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
К-во респондентов, выбравших данный ответ, n = 111	-	1	1	3	8	12	29	21	5	17	1	9	2	1	1	-

Отметим относительно широкий возрастной диапазон, выбранный респондентами. Вероятно, что, выбирая младший возраст, родители имеют в виду обучение первичным навыкам использования технических устройств и образовательных сервисов (игр), в то время как для подростков более актуальными могут стать навыки информационной безопасности или навыки в использовании более сложных компьютерных программ.

Что касается фокуса нашего исследования (начальная школа), то в ответах на данный вопрос наблюдается относительная согласованность респондентов. Большинство из них считает именно поступление в первый класс (7 лет) периодом вхождения ребенка в активное взаимодействие с цифровой средой, хотя часть родителей говорит, что важно начинать «цифровую» подготовку детей практически с младшего дошкольного возраста.

Примечательно, что полезность обучения, по мнению родителей, одинакова как у очень маленьких детей (2–3 года), так и у старших подростков. Иными словами, родители отводят большую роль в подготовке детей ко взаимодействию с цифровым миром именно начальной школе, когда ребенок способен встроить «цифровую» действительность в общую картину мира.

Отметим, что у *противников* цифровизации подходящий возраст детей для взаимодействия в цифровой среде смещается к более позднему возрасту — от 6 до 16 лет. О причинах такой позиции можно судить по ответам на вопрос об опасениях: они считают своего ребенка слишком уязвимым для цифровой среды и пытаются оттянуть момент знакомства с ней. *Сторонники* цифровизации указывают возраст с 3 до 12 лет: эта группа родителей предпочитает скорее предупредить возможные проблемы с помощью обучения, чем вообще не допускать детей к цифровому миру. По всей видимости, сторонники цифровизации считают специальное обучение детей после окончания начальной школы неэффективным, так как ребенок до этого времени уже может получить все возможные риски, связанные с интернетом, гаджетами и цифровыми сервисами.

Распределение мнений противников и сторонников цифровизации о возрасте начала обучения детей цифровым навыкам показывает, что сторонники в два раза чаще, чем противники, считают необходимым начать такое обучение ещё на этапе дошкольного уровня образования (22 и 11 человек, соответственно). Противники цифровизации обосновывают свою позицию беспокойством о негативном влиянии гаджетов на детское здоровье и развитие.

Что касается средней и старшей школы, то сторонники цифровизации не рассматривают этот период как подходящий для формирования у детей цифровых навыков. Родители считают, что к этому времени ребенок уже должен быть хорошо подготовлен к цифровому миру.

в) субъекты

Еще один вопрос анкеты касался выявления позиции родителей относительно субъектов обучения ребенка цифровым навыкам.

С исследовательской точки зрения было важно понять, какую стратегию предпочитают разные группы родителей: обучать самим и тем самым «обезопасить» детей от чрезмерной образовательной нагрузки или делегировать эту работу специалистам — внутри или вне школы; объединить усилия всех субъектов или оставить этот процесс на усмотрение ребенка. Поскольку на данный вопрос респонденты могли выбрать неограниченное количество ответов, при подсчете суммарное их количество превысило количество респондентов (118 человек). (Таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов родителей о доминирующем агенте в обучении цифровым навыкам детей начальной школы

Варианты ответов	Количество респондентов, выбравший данный вариант ответа
a. Школа	40
b. Внешкольные организации	15
c. Семья	34
d. Сам ребенок	9
e. Все вместе	62

Первичный анализ учитывал все выбранные ответы всех респондентов, без учета специфики родителей, разделенных по уровню компетентности и их отношению к цифровизации (сторонник/противник). Наиболее популярным оказался ответ «Все вместе», хотя второе место практически в равной степени разделяют позиции «Школа» и «Семья» (40 и 34 ответов соответственно). Примечательно, что значительная часть родителей (9 человек) признает ребенка субъектом своего цифрового образования (самообразования), отводя ему важную, хотя и не исключительную, роль.

Остановимся на различиях в позициях родителей, имеющих разный уровень цифровой компетентности (Таблица 5).

В целом основная масса родителей предпочитает консолидированные усилия по формированию цифровых навыков у детей, что вполне объяснимо, ведь ответственность за образование детей делят все институты его социализации.

Тем не менее к наибольшей консолидации тяготеют «Некомпетентные» сторонники цифровизации (66 ответов), в то время как к наименьшей — сторонники-«Профессионалы» (24 ответа). Позицию «Некомпетентных» можно объяснить тем, что, несмотря на энтузиазм в отношении развития цифровизации, они понимают недостаточность своей квалификации для того, чтобы грамотно сопровождать ребенка в цифровом мире. Сторонники-«Профессионалы» по этой же причине считают, что детей должны обучать только специалисты. Можно предположить, что «Профессионалы» более дифференцированно относятся к ролевым позициям реальных и потенциальных субъектов цифровизации.

Таблица 5

**Распределение ответственности за формирование
цифровых навыков детей у разных групп родителей**
(в % от количества выбранных ответов)

	«Профессионалы»		«Компетентные»		«Некомпетентные»	
	Сторонники	Противники	Сторонники	Противники	Сторонники	Противники
а. Школа	41	-	22	20	20	16
Только школа	-	-	2	13	-	16
б. Внешкольные организации	-	-	11	-	-	16
Только внешкольные организации	-	-	-	-	7	16
с. Семья	41	-	21	20	20	16
Только семья	-	-	-	7	-	-
d. Сам ребенок	6	-	8	-	-	-
е. Все вместе	24	-	50	53	66	32

Родители как цифровые проводники

При анализе ответов было выделено две линии: насколько активно родители (семья) готовы сами включиться в данный процесс и насколько видят ребенка субъектом развития собственных цифровых навыков. Здесь можно наблюдать существенную разницу среди выделенных нами родительских групп (см. Таблицу 5). При подсчете ответов учитывался тот вариант, который выделял конкретного агента. Если респондент выбирал ответ «Все вместе», то остальные варианты не учитывались.

Оказалось, что «Профессионалы», являющиеся сторонниками цифровизации, в большей степени готовы доверять школе, чем все остальные группы респондентов. Внешкольные организации ни разу не упоминаются этой группой родителей. Возможно, это связано с тем, что в представлениях «Профессионалов» организация, занимающаяся развитием цифровых навыков, должна иметь более серьезную базу для такой подготовки — как техническую, так и кадровую, чего сложно ожидать от внешкольных и негосударственных организаций.

Анализ ответов показал, что именно эта группа родителей считает себя ответственной за обучение детей цифровым навыкам. Противники цифровизации из числа «Профессионалов» подходят к вопросу менее дифференцированно. По всей видимости, это может свидетельствовать о том, что родители, в принципе отвергающие развитие цифровизации в системе образования, не имеют четкой позиции в этом вопросе и выбирают вариант разделенной ответственности.

Родители из группы **«Компетентные»** (как сторонники, так и противники цифровизации) склонны доверить обучение своих детей цифровым навыкам преимущественно школе, но каждая из групп в два раза реже, чем «Профессионалы» — сторонники цифровизации, стремится взять ответственность за этот процесс на себя. Данный факт можно объяснить тем, что менее подготовленные (в сфере цифровизации) родители понимают, что будут мало полезны своим детям в этом вопросе, а потому предпочитают переложить ответственность за это на других, включая и самого ребенка. Именно в этой группе респондентов ребенок является значимым субъектом, способным на самостоятельное освоение цифровых навыков. Аналогичной позиции (в отношении детей) придерживаются и «Профессионалы» — сторонники цифровизации, на основании чего можно сделать вывод: *чем более компетентным чувствует себя родитель в цифровой среде, тем больше он способен делегировать ответственность за «цифровое самообразование» своему ребенку.*

Анализ ответов «Компетентных» противников цифровизации показал, в каких случаях они готовы взять ответственность за обучение цифровым навыкам детей на себя. Оказалось, что это были родители, которые считают, что у ребенка нужно специально формировать только один навык — навык безопасного использования цифровой среды (см. в Таблице 2 ответ «d»), и с этой задачей семья предполагает справиться самостоятельно.

Среди **«Некомпетентных»** родителей значительная часть в формировании цифровых навыков детей надеется *только* на школу и на внешкольные организации (по 16 ответов соответственно). Это самый большой показатель среди всех выделенных групп. Особенно ярко эта тенденция заметна в группе «Некомпетентных» противников цифровизации. Можно предположить, что данная группа родителей пытается избежать обязательного (возможно, в их понимании «принудительного») «цифрового» обучения, либо некомпетентные с точки зрения цифровой подготовленности взрослые также слабо представляют себе то, как устроена система образования и какие ресурсы имеют образовательные организации разного типа и уровня.

Однако, несмотря на свою «некомпетентность», эти родители готовы взять на себя практически такую же ответственность за «цифровое» обучение, как и «компетентные», что создает некоторый мотивационный потенциал при введении цифровизации в школе.

Что касается позиции родителей относительно развития «цифровой субъектности» детей (то есть их возможности самостоятельного освоения цифровых навыков), то считают это возможным исключительно *сторонники* цифровизации и исключительно *компетентные* родители (группы «Профессионалы» и «Компетентные»). Примечательно, что «Профессионалы» оценивают способность ребенка к такому самообразованию чуть ниже, чем «Компетентные». Это можно объяснить тем, что люди, понимающие глубину и сложность такой подготовки, более реалистичны в своих ожиданиях, чем все остальные.

Интересно, что «Некомпетентные» родители вообще не рассматривают ребенка в качестве субъекта «цифрового самообразования», но зато надеются на «всех остальных» агентов цифровизации в равной степени.

Анализ ответов респондентов позволяет утверждать, что при формировании цифровых навыков детей *семья готова взять на себя часть функций и разделить ответственность за результат не только со школой и другими образовательными организациями, но и с самим ребенком.*

Также была подтверждена гипотеза о возможном влиянии уровня цифровой компетентности родителей на развитие «цифрового» образовательного потенциала учеников начальной школы. Это может означать, что усилия школы, направленные на повышение компетентности и лояльности родителей по отношению к цифровизации, могут способствовать становлению субъектной позиции ребенка в образовании (самообразовании).

Заключение

В целом *уровень цифровой компетентности* опрошенных родителей учеников начальной школы можно назвать средним. Основная масса родителей (около 60%) оценила себя как «уверенных пользователей». При этом по многим вопросам позиции родителей, имеющих разный уровень цифровой компетентности («Профессионалов», «Компетентных» и «Некомпетентных»), различаются, иногда существенно. Чем менее компетентным чувствует себя родитель в информационной/цифровой среде и чем меньше у него опыта взаимодействия с ней, тем более значимы его опасения; чем более высокий уровень цифровой компетентности у родителей, тем объемнее их видение перспектив цифровизации в образовании и тем активнее они стремятся выразить свою точку зрения. Однако именно родители со средним уровнем цифровой компетентности в большей мере, чем все остальные, склонны к «цифровой мифологии» — то есть ошибочным представлениям о специфике цифровизации и ее влиянии на детей. По всей видимости, неупорядоченность и недостоверность информации, которую они активно черпают из разных источников, приводит к амбивалентному отношению к новой цифровой реальности, тревожности, созданию психологического барьера при переходе на цифровизацию.

Полученные данные согласуются с имеющимися исследованиями, зафиксировавшими тревожность родителей из-за возможного негативного влияния цифровых технологий на их детей (House, 2012).

Можно предположить, что повышение цифровой компетентности членов семьи позволит повлиять не только на развитие непосредственно их цифровых навыков, но и на многие процессы, связанные с отношениями между субъектами образовательного процесса, в том числе поможет снизить протестные реакции, возникающие у некоторых родителей в связи с цифровизацией.

Уже на этапе дошкольного детства дети используют разные технические устройства. Можно расценивать это как своеобразный сигнал о том, что для обеспечения реальной и потенциальной информационной безопасности ребенка сопровождение процесса его знакомства и вхождения в цифровую среду нужно начинать как можно раньше. Это подтверждается и позицией

родителей в отношении возраста начала обучения цифровым навыкам. Большинство респондентов называют оптимальным возраст 7–8 лет, хотя диапазон такого обучения довольно широк и находится между 2 и 15 годами. Характерно, что сторонники цифровизации предпочитают учить ребенка взаимодействию с цифровой средой заблаговременно, в то время как противники пытаются оттянуть это обучение на более поздний срок. Соответственно, при построении работы с семьей необходимо учитывать разнообразие запросов родителей на обучение их детей цифровым навыкам и уровень цифровой компетентности родителей.

Отношение родителей к *развитию цифровых компетенций* у школьников в целом можно назвать позитивным. Значительная часть респондентов поддерживает специальное обучение детей, причем большинство семей готовы разделить эту ответственность с образовательными организациями (школьными и внешкольными). Поскольку во многих семьях цифровые и электронные технические средства используются довольно активно, взрослые понимают необходимость консолидации усилий семьи и школы в обеспечении цифровой безопасности детей и профилактики их зависимости от гаджетов и интернета. Соответственно, можно предположить, что именно через эту проблему многие семьи начнут объединяться с учителями и воспитателями, и система образования имеет шанс повысить число родителей, вовлеченных в образовательный процесс своих детей.

Довольно значительная часть родителей учеников начальной школы воспринимает ребенка, несмотря на его возраст, как субъекта своего цифрового самообразования. Это можно рассматривать в качестве определенного потенциала развития не только цифровой компетентности детей, но и их субъектности в целом. Также можно подтвердить результаты исследования о позитивном влиянии цифрового обучения на определенность позиций родителей (Johansen et al., 2016; Kruistum, Steensel, 2016) и влиянии цифровой самооффективности родителей на цифровую грамотность детей (Eijnden et al., 2010). В нашем исследовании удалось зафиксировать, что наиболее компетентные в цифровом отношении родители имели меньше опасений и были готовы предоставлять своим детям больше возможностей для «цифрового» развития.

Таким образом, можно констатировать, что значительная часть родителей расценивает дошкольное детство как период вхождения ребенка в цифровую среду, а, значит, существует объективная необходимость прицельной работы и с детьми, и с образовательным контентом. Возраст 6–7 лет многие родители считают «фундаментальным» с точки зрения формирования цифровой культуры, хотя образовательные программы школ в большинстве случаев не предусматривают столь основательной подготовки учеников начальных классов. Соответственно, можно рассматривать позиции родителей (как сторонников, так и противников цифровизации) как своеобразный образовательный запрос к системе образования в целом.

В настоящий момент требуется более глубокое изучение влияния цифровой среды на отношения детей и родителей, а также исследование установок родителей, осваивающих цифровой мир. Как показало наше исследование,

родители пока теряются в новых реалиях, так как им предстоит существенно пересмотреть не только свои способы взаимодействия с новой цифровой средой, но и традиционные модели воспитания.

Литература

Арнаутова Е. А. Особенности взаимоотношений подростков цифрового поколения с родителями // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2018. Т. 14. № 5. С. 40–45.

Батенова Ю. В. и др. Готовность к информационному взаимодействию субъектов образовательного процесса // Перспективы науки и образования. 2019. Т. 41. № 5. С. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.3>

Бахадова Е. В. Специфика родительских отношений к детям в условиях киберсоциализации // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме / Под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М.: МПГУ, 2019. С. 144–150.

Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Будыкин С. В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2016. № 1. С. 77–86.

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Сиянков А. В. «Цифровое детство»: риски интернет-коммуникаций школьников, их родителей и учителей (по материалам прикладного исследования в Ставропольском крае, 2020) // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 86–94.

Будыкин С. В., Дворянчиков Н. В., Бовина И. Б. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 2. Результаты эмпирического исследования) // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 25–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060104>

Буцык С. В. Цифровое поколение в российском образовании: от актуальности проблемы к оценке воздействия цифровизации на обучающихся // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 3. С. 24–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2020-3-24-32>

Исаева Н. В. и др. Школьный барометр. COVID-19: ситуация с учением и обучением в российских школах // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 6. С. 92–109.

Коптева В. К. Воздействие интернет-сообщества на формирование личности // Коммунология: электронный научный журнал. 2017. Т. 2. № 3. С. 67–74.

Косарецкий С. Г. Уроки пандемии для общего и дополнительного образования. 2020. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2020/06/26/1607330757/Косарецкий%20CF.pptx> (дата обращения: 30.03.2021).

Лучинкина А. И. Троллинг в интернет-пространстве как результат девиантной интернет-социализации // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». 2018. Т. 4. № 2. С. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2018-4-2-0-7>

Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М., Курск: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Университетская книга, 2020. DOI: <https://doi.org/10.47581/2020/02.Panov.001>

Патраков Э. В. Подростки и Интернет: реакции родителей. Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 129–144. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/72/7>

Понукалина О. В. Детско-родительские конфликты в контексте цифровизации повседневности // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2020. Т. 20. № 1. С. 18–22. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22>

Рудаков В. А. Родители об электронном образовании детей. Цифровизация образования: вызовы современности. Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2020. С. 67–69.

Сивак Е. Родители и дети в период дистанционной учебы. 2020. URL: <https://www.hse.ru/data/2020/06/26/1607076151/Сивак%20ЕВ.pptx> (Дата обращения — 30.03.2021).

Синягина Н. Ю. Глобальная цифровизация: результаты опроса подростков // Образование личности. 2018. № 4. С. 12–17.

Солдатова Г. У., Вишнева А. Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 97–118. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270307>

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409>

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Неосведомленность родителей о столкновении подростков с рисками в интернете: содержание и психологические факторы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920002251-2>

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Российские подростки и родители: цифровая компетентность и онлайн-риски // Академический вестник Академии социального управления. 2017. Т. 25. № 3. С. 7–18.

Солдатова Г. У., Теславская О. И. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 36. № 4. С. 12–27. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0402>

Солдатова Г. У., Шляпников В. Н. Использование цифровых устройств детьми дошкольного возраста // Нижегородское образование. 2015. № 3. С. 78–84.

Суннатова Р. И. Опыт удаленного школьного обучения: возможные риски для успешности социализации обучающихся // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. Т. 77. № 9. С. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.9.12>

Шпагина Е. М., Чиркина Р. В. Компетентность педагогов и психологов в области информационной безопасности детей // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 261–277. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090319>

Chaudron S., Di Giota R., Gemo M. Young Children (0–8) and Digital Technology — A Qualitative Study across Europe. JRC Science for Policy Report. 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.2760/294383>

Correa T. Bottom-Up Technology Transmission within Families: Exploring How Youths Influence Their Parents' Digital Media Use with Dyadic Data // Journal of Communication. 2014. Vol. 64. № 1. P. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12067>

Correa T. The Power of Youth: How the Bottom-Up Technology Transmission from Children to Parents Is Related to Digital (In)Equality // International Journal of Communication. 2015. Vol. 9. P. 1163–1186.

Dardanou M. et al. Use of Touchscreen Technology by 0–3-Year-Old Children: Parents' Practices and Perspectives in Norway, Portugal and Japan // Journal of Early Childhood Literacy. 2020. Vol. 20. № 3. P. 551–573. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468798420938445>

Deursen A. van, Dijk J. van. The Digital Divide Shifts to Differences in Usage // New Media & Society. 2014. Vol. 16. № 3. P. 507–526. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444813487959>

Dias P. et al. The Role of Parents in the Engagement of Young Children with Digital Technologies: Exploring Tensions between Rights of Access and Protection, from 'Gatekeepers' to 'Scaffolders' // Global Studies of Childhood. 2016. Vol. 6. № 4. P. 414–427. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043610616676024>

Dunn J. et al. It's More Funner than Doing Work': Children's Perspectives on Using Tablet Computers in the Early Years at School // Early Child Development and Care. 2018. Vol. 188. № 6. P. 819–831. DOI: <https://doi.org/10.1080/03004430.2016.1238824>

Facer K. After the Moral Panic? Reframing the Debate about Child Safety Online // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 2012. Vol. 33. № 3. P. 397–413. DOI: <https://doi.org/10.1080/01596306.2012.681899>

Fertik M., Thompson D. The Reputation Economy: How to Optimize Your Digital Footprint in a World Where Your Reputation Is Your Most Valuable Asset. New York: Crown Business, 2015.

House R. The Inappropriateness of ICT in Early Childhood: Arguments from Philosophy, Pedagogy, and Developmental Research // Contemporary Debates in Childhood Education and Development / Ed. by S. Suggate, E. Reese. London, New York: Routledge, 2012. P. 105–120. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203115558-21>

Johansen S. L., Larsen M. C., Ernest M. J. Young Children (0–8) and Digital Technology: A Qualitative Exploratory Study. National report — Denmark. 2016. URL: http://www.aau.dk/digitalAssets/201/201213_national-report_2015_denmark_proofread-2-.pdf (дата обращения: 30.03.2021).

Kruistum C. van, Steensel R. van. Young Children (0–8) and Digital Technology. National report — The Netherlands. 2016. URL: https://www.academia.edu/22009256/Young_children_08_and_digital_technology_Dutch_national_report (дата обращения: 30.03.2021).

Livingstone S., Helsper E. Parental Mediation and Children's Internet Use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2008. Vol. 52. № 4. P. 581–599. DOI: <https://doi.org/10.1080/08838150802437396>

Mikelic Preradovic N., Lešin G., Šagud M. Investigating Parents' Attitudes towards Digital Technology Use in Early Childhood: A Case Study from Croatia // Informatics in education. 2016. Vol. 15. № 1. P. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.15388/infedu.2016.07>

Przybylski A., Mishkin A. How the Quantity and Quality of Electronic Games Relates to Adolescents' Academic Engagement and Psychological Adjustment // Psychology of Popular Media Culture. 2016. Vol. 5. № 2. P. 145–146. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/ppm0000070>

Stattin H., Kerr M. Parental Monitoring: A Reinterpretation // Child Development. 2000. Vol. 71. № 4. P. 1072–1085. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00210>

Stewart J. Local Experts in the Domestication of Information and Communication Technologies // Information, Communication and Society. 2007. Vol. 10. № 4. P. 547–569. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180701560093>

Wang Y. Parent-Child Role Reversal in ICT Domestication: Media Brokering Activities and Emotional Labors of Chinese “Study Mothers” in Singapore // Journal of Children and Media. 2020. Vol. 14. № 3. P. 267–284. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2020.1725900>

Yuen A. H. et al. The Significance of Cultural Capital and Parental Mediation for Digital Inequity // New Media & Society. 2018. Vol. 20. № 2. P. 599–617. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816667084>

Zimmer F., Scheibe K., Henkel M. How Parents Guide the Digital Media Usage of Kindergarten Children in Early Childhood // International Conference on Human Computer Interaction. Cham: Springer, 2019. P. 313–320. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-23525-3_41

Сведения об авторах:

Писаренко Ирина Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ixkpps@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 150001; **ORCID ID:** 0000-0002-7117-7474; **ResearcherID:** ABC-5580-2020.

Заиченко Людмила Игоревна — докторант, Таллинский университет, Таллин, Эстония; старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** luciazai@tlu.ee. **ORCID ID:** 0000-0001-5555-0657; **ResearcherID:** AAX-3105-2020.

Статья поступила в редакцию: 22.05.2021

Принята к публикации: 15.06.2021

Parents as Agents of Influence on Children Digital Skills Development

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.4

Irina A. Pisarenko

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ixkpps@gmail.com*

Liudmila I. Zaichenko

*Tallinn University, Tallinn, Estonia
HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: luciazai@tlu.ee*

Transition to the digital environment transforms the schemas of social interaction including the relationship between parents and their children. Many parents who lack digital competence however are called upon to become agents of 'digital socialization' for their kids who step into the world of gadgets from an early age.

Current study explores parents competence (including, digital); their attitudes towards developing digital competence of their children; their coping strategies in the situations of child addiction to the digital gadgets, computer games and the Internet use; as well as their request to the education system in line with its ubiquitous digitalization. As a research method the authors have chosen the two-stage survey in which 118 participants took part — the parents of elementary school students. The data was analyzed quantitatively and qualitatively. As a result the parents were clustered into several groups on the basis of: their digital attitudes (supporters and antagonists) and their level of digital competence (low-medium-high). Further the data was analyzed within each cluster. The study has revealed that the majority of parents report themselves as competent (60%) or highly competent (17%) digital users. Positive relationships were identified between the parents' digital competence level and 1) their digital attitudes — the higher the level of competence — the more positive were the attitudes; 2) parents active participation in their children's digital skills development and acknowledging children's agency in the process of digital self-education. The results reflect the range of parents' opinions which must be taken into account when assisting families in the process of child development and socialization.

Keywords: parents digital competence; parental ICT-mediation; ICT-attitudes; children digital skills; digital attitudes

References

Arnautova E. A. (2018) Osobennosti vzaimootnoshenij podrostkov cifrovogo pokoleniya s roditelyami [Features of the relationship between digital teenagers and their parents]. *Kollekciya gumanitarnykh issledovanij. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. [Collection of Humanitarian Researches. Electronic Scientific Journal]. Vol. 14. No. 5. P. 40–45. (In Russ.)

Bakhadova E. V. (2019) Specifika roditel'skih otnoshenij k detyam v usloviyah kibersotsializatsii [The specifics of parental relationships to children in the context of cyber socialization]. In: Martsinkovskaya T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V. (eds.) *Cifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoy paradigme* [Digital society in the cultural and historical paradigm]. Moscow: MPGU. P. 144–150. (In Russ.)

Batenova Yu.V. et al. (2019) Gotovnost' k informacionnomu vzaimodejstviyu sub»ektov obrazovatel'nogo processa [Readiness for information interaction of subjects of the educational process]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of science and education]. Vol. 41. No. 5. P. 34–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.3>

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. (2016) Informacionnaya bezopasnost' detej v obydenom ponimanii roditel'ej i uchitelej [Information security of children in the everyday understanding of parents and teachers]. *Vestnik RUDN. Seriya «Psikhologiya i pedagogika»* [Bulletin of RUDN. Series «Psychology and Pedagogy»]. No. 1. P. 77–86. (In Russ.)

Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Sinyakov A.V. (2020) "Cifrovoe detstvo": riski internet-kommunikacij shkol'nikov, ih roditel'ej i uchitelej (po materialam prikladnogo issledovaniya v Stavropol'skom krae, 2020) [«Digital childhood»: the risks of Internet communications of school-children, their parents and teachers (based on the materials of applied research in the Stavropol Territory, 2020)]. *Vlast'* [Power]. Vol. 28. No. 5. P. 86–94. (In Russ.)

Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. (2016) Informacionnaya bezopasnost' detej i podrostkov v ponimanii roditel'ej i uchitelej (Chast' 2. Rezul'taty empiricheskogo issledovaniya) [Information security of children and adolescents in the understanding of parents and teachers (Part 2. Results of empirical research)]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. Vol. 6. No. 1. P. 25–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060104>

Butsyk S.V. (2020) Cifrovoe pokolenie v rossijskom obrazovanii: ot aktual'nosti problemy k ocenke vozdejstviya cifrovizacii na obuchayushchihnya [Digital generation in Russian education: from the urgency of the problem to assessing the impact of digitalization on students]. *Otkrytoye obrazovaniye* [Open Education]. Vol. 24. No. 3. P. 24–32. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2020-3-24-32>

Chaudron S., Di Giota R., Gemo M. (2018) *Young Children (0–8) and Digital Technology — A Qualitative Study across Europe*. JRC Science for Policy Report. DOI: <http://dx.doi.org/10.2760/294383>

Correa T. (2014) Bottom-Up Technology Transmission within Families: Exploring How Youths Influence Their Parents' Digital Media Use with Dyadic Data. *Journal of Communication*. Vol. 64. No. 1. P. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12067>

Correa T. (2015) The Power of Youth: How the Bottom-Up Technology Transmission from Children to Parents Is Related to Digital (In)Equality. *International Journal of Communication*. Vol. 9. P. 1163–1186.

Dardanou M. et al. (2020) Use of Touchscreen Technology by 0–3-Year-Old Children: Parents' Practices and Perspectives in Norway, Portugal and Japan. *Journal of Early Childhood Literacy*. Vol. 20. No. 3. P. 551–573. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468798420938445>

Deursen A. van, Dijk J. van (2014) The Digital Divide Shifts to Differences in Usage. *New Media & Society*. Vol. 16. No. 3. P. 507–526. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444813487959>

Dias P. et al. (2016) The Role of Parents in the Engagement of Young Children with Digital Technologies: Exploring Tensions between Rights of Access and Protection, from 'Gatekeepers' to 'Scaffolders'. *Global Studies of Childhood*. Vol. 6. No. 4. P. 414–427. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043610616676024>

Dunn J. et al. (2018) It's More Funner than Doing Work': Children's Perspectives on Using Tablet Computers in the Early Years at School. *Early Child Development and Care*. Vol. 188. No. 6. P. 819–831. DOI: <https://doi.org/10.1080/03004430.2016.1238824>

Facer K. (2012) After the Moral Panic? Reframing the Debate about Child Safety Online. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. Vol. 33. No. 3. P. 397–413. DOI: <https://doi.org/10.1080/01596306.2012.681899>

Fertik M., Thompson D. (2015) *The Reputation Economy: How to Optimize Your Digital Footprint in a World Where Your Reputation Is Your Most Valuable Asset*. New York: Crown Business.

House R. (2012) The Inappropriateness of ICT in Early Childhood: Arguments from Philosophy, Pedagogy, and Developmental Research. In: Suggate S., Reese E. (eds.) *Contemporary*

Debates in Childhood Education and Development. New York: Routledge. P. 105–120. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203115558-21>

Isaeva N.V. et al. (2020) Shkol'nyj barometr. COVID-19: situaciya s ucheniem i obucheniem v rossijskih shkolah [School barometer. COVID-19: Learning and Teaching Situation in Russian Schools]. *Analiticheskij byulleten' NIU VSHE ob ekonomicheskikh i sotsial'nykh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire* [HSE Analytical Bulletin on the Economic and Social Consequences of Coronavirus in Russia and in the World]. No. 6. P. 92–109. (In Russ.)

Johansen S.L., Larsen M.C., Ernest M.J. (2016) *Young Children (0–8) and Digital Technology: A Qualitative Exploratory Study*. National report — Denmark. URL: http://www.aau.dk/digitalAs-sets/201/201213_national-report_2015_denmark_proofread-2-.pdf (accessed 30 March 2021).

Kopteva V.K. (2017) Vozdejstvie internet-soobshchestva na formirovanie lichnosti [Impact of the Internet community on the formation of personality]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Communicology: electronic scientific journal]. Vol. 2. No. 3. P. 67–74. (In Russ.)

Kosaretsky S.G. (2020) *Uroki pandemii dlya obshchego i dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Pandemic lessons for general and additional education]. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2020/06/26/1607330757/Kosareckij%20CF.pptx> (accessed 30 March 2021). (In Russ.)

Kruistum C. van, Steensel R. van (2016) *Young Children (0–8) and Digital Technology*. National report — The Netherlands. URL: https://www.academia.edu/22009256/Young_children_08_and_digital_technology_Dutch_national_report (accessed 30 March 2021).

Livingstone S., Helsper E. (2008) Parental Mediation and Children's Internet Use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 52. No. 4. P. 581–599. DOI: <https://doi.org/10.1080/08838150802437396>

Luchinkina A.I. (2018) Trolling v internet-prostranstve kak rezul'tat deviantnoj internet-socializacii [Trolling in the Internet space as a result of deviant Internet socialization]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya «Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya»* [Scientific result. Series «Pedagogy and Psychology of Education»]. Vol. 4. No. 2. P. 68–76. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2018-4-2-0-7>

Mikelic Preradovic N., Lešin G., Šagud M. (2016) Investigating Parents' Attitudes towards Digital Technology Use in Early Childhood: A Case Study from Croatia. *Informatics in education*. Vol. 15. No. 1. P. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.15388/infedu.2016.07>

Panov V.I., Patrakov E.V. (2020) *Cifrovizaciya informacionnoj sredy: riski, predstavleniya, vzaimodejstviya* [Digitalization of the information environment: risks, perceptions, interactions]. Moscow: FGBNU «Psichologicheskij institut RAO»; Universitetskaya kniga. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47581/2020/02.Panov.001>

Patrakov E.V. (2019) Podrostki i Internet: reakcii roditel'ej [Adolescents and the Internet: parents' reactions]. *Sibirskij psichologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal]. No. 72. P. 129–144. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/72/7>

Ponukalina O.V. (2020) Detsko-roditel'skie konflikty v kontekste cifrovizacii povsednevnosti [Child-parent conflicts in the context of digitalization of everyday life]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Sotsiologiya. Politologiya"* [News of Saratov University. Series: Sociology. Political Science]. Vol. 20. No. 1. P. 18–22. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22>

Przybylski A., Mishkin A. (2016) How the Quantity and Quality of Electronic Games Relates to Adolescents' Academic Engagement and Psychological Adjustment. *Psychology of Popular Media Culture*. Vol. 5. No. 2. P. 145–146. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/ppm0000070>

Rudakov V.A. (2020) Roditeli ob elektronnom obrazovanii detej [Parents about electronic education of children]. *Cifrovizaciya obrazovaniya: vyzovy sovremennosti. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Digitalization of education: modern challenges. Collection of materials of the All-Russian scientific and methodological conference with international participation]. Cheboksary: Izd. dom "Sreda". P. 67–69. (In Russ.)

Shpagina E.M., Chirkina R.V. (2019) Kompetentnost' pedagogov i psihologov v oblasti informacionnoj bezopasnosti detej [Competence of teachers and psychologists in the field of information

security of children]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. Vol. 9. No. 3. P. 261–277. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090319>

Sinyagina N. Yu. (2018) Global'naya cifrovizaciya: rezul'taty oprosa podrostkov [Global digitalization: results of a survey of adolescents]. *Obrazovaniye lichnosti* [Personality education]. No. 4. P. 12–17. (In Russ.)

Sivak E. (2020) *Roditeli i deti v period distancionnoj ucheby* [Parents and children in the period of distance learning. Center for Contemporary Childhood Research]. URL: <https://www.hse.ru/data/2020/06/26/1607076151/Сивак%20ЕВ.pptx> (accessed 30 March 2021). (In Russ.)

Soldatova G. U., Rasskazova E. I. (2019) Neosvedomlennost' roditel'ev o stolknovenii podrostkov s riskami v internete: sodержanie i psikhologicheskie faktory [Lack of awareness of parents about the collision of adolescents with risks on the Internet: content and psychological factors]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 40. No. 1. P. 71–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920002251-2>

Soldatova G. U., Rasskazova E. I. (2020) Itogi cifrovoj transformacii: ot onlajn-real'nosti k smeshannoj real'nosti [Results of digital transformation: from online reality to mixed reality]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 16. No. 4. P. 87–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409>

Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Zotova E. Yu. (2017) Rossijskie podrostki i roditeli: cifrovaya kompetentnost' i onlajn-riski [Russian adolescents and parents: digital competence and online risks]. *Akademicheskij vestnik Akademii sotsial'nogo upravleniya* [Academic Bulletin of the Academy of Social Management]. Vol. 25. No. 3. P. 7–18. (In Russ.)

Soldatova G. U., Shlyapnikov V. N. (2015) Ispol'zovanie cifrovyyh ustrojstv det'mi doshkol'nogo vozrasta [Use of digital devices by preschool children]. *Nizhegorodskoe obrazovanie* [Nizhny Novgorod education]. No. 3. P. 78–84. (In Russ.)

Soldatova G. U., Teslavskaya O. I. (2019) Osobennosti ispol'zovaniya cifrovyyh tekhnologij v sem'yah s det'mi doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta [Features of the use of digital technologies in families with children of preschool and primary school age]. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal* [National psychological journal]. Vol. 36. No. 4. P. 12–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0402>

Soldatova G. U., Vishneva A. E. (2019) Osobennosti razvitiya kognitivnoj sfery u detej s raznoj onlajn-aktivnost'yu: est' li zolotaya seredina? [Features of the development of the cognitive sphere in children with different online activities: is there a golden mean?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy]. Vol. 27. No. 3. P. 97–118. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270307>

Stattin H., Kerr M. (2000) Parental Monitoring: A Reinterpretation. *Child Development*. Vol. 71. No. 4. P. 1072–1085. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00210>

Stewart J. (2007) Local Experts in the Domestication of Information and Communication Technologies. *Information, Communication and Society*. Vol. 10. No. 4. P. 547–569. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180701560093>

Sunnatova R. I. (2020) Opyt udalennogo shkol'nogo obucheniya: vozmozhnye riski dlya uspeshnosti socializacii obuchayushchihsya [The experience of remote schooling: possible risks for the success of the socialization of students]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. Vol. 77. No. 9. P. 69–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.9.12>

Wang Y. (2020) Parent-Child Role Reversal in ICT Domestication: Media Brokering Activities and Emotional Labors of Chinese “Study Mothers” in Singapore. *Journal of Children and Media*. Vol. 14. No. 3. P. 267–284. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2020.1725900>

Yuen A. H. et al. (2018) The Significance of Cultural Capital and Parental Mediation for Digital Inequity. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 2. P. 599–617. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816667084>

Zimmer F, Scheibe K., Henkel M. (2019) How Parents Guide the Digital Media Usage of Kindergarten Children in Early Childhood. *International Conference on Human Computer Interaction*. Cham: Springer. P. 313–320. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-23525-3_41

Author bio:

Irina A. Pisarenko — Candidate of Pedagogics, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Associate Professor, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ixkpps@gmail.com. **RSCI Author ID:** 150001; **ORCID ID:** [0000-0002-7117-7474](https://orcid.org/0000-0002-7117-7474); **ResearcherID:** [ABC-5580-2020](https://publons.com/author/abc-5580-2020/).

Liudmila I. Zaichenko — Doctorate Student, Tallinn University, Tallinn, Estonia; Senior Lecturer, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** luciazai@tlu.ee. **ORCID ID:** [0000-0001-5555-0657](https://orcid.org/0000-0001-5555-0657); **ResearcherID:** [AAX-3105-2020](https://publons.com/author/aax-3105-2020/).

Received: 22.05.2021

Accepted: 15.06.2021

Исследовательская рефлексия

Методы классификации текстовых данных: можно ли потенциал количественного анализа использовать в качественном исследовании?

DOI: [10.19181/inter.2021.13.2.5](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.5)

Ссылка для цитирования:

Александрова М. Ю. Методы классификации текстовых данных: можно ли потенциал количественного анализа использовать в качественном исследовании? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.5>

For citation:

Aleksandrova M. Yu. (2021) Methods for Classification of Text Data: Can the Potential of Quantitative Analysis Be Applied to Qualitative Research? *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.5>

Александрова Марина Юрьевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: myaleksandrova@hse.ru

Интеллектуальный анализ текстовых данных, или текст-майнинг, продемонстрировал активное развитие в последние годы. В статье в качестве примера сравниваются методы классификации, пригодные для решения задач по прогнозированию частичных ответов, и на этом материале автор строит рассуждения о том, как может быть реализован анализ текстовых данных в более широком исследовательском поле. Автор рассматривает ряд метрик, адаптированных для текстового анализа в социальных науках: правильность (accuracy), точность (precision), полноту (recall), F-меру (F1-score), приводит примеры, которые могут помочь исследователю-социологу разобраться, на какую из них стоит обращать внимание в зависимости от поставленной задачи (классифицировать свои текстовые данные с равной точностью или же более полно описать один из интересующих классов). В статье предложена интерпретация результатов, полученных с помощью анализа текстов на материалах Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS).

Ключевые слова: текстовые данные; текст-майнинг; текстовый анализ; наивный байесовский классификатор; дерево решений; частичный неотв

В области интеллектуального анализа текстовых данных в последние годы наблюдаются быстрые и значительные изменения. Они происходят благодаря как различным научно-исследовательским лабораториям (развитие подхода в анализе текстовых данных, основанного на векторном представлении слов и разработка модели word2vec на его основе [Mikolov et al., 2017], а также методов машинного обучения и искусственного интеллекта [LeCun et al., 2015]), так и повышенному интересу со стороны индустрии информационных технологий. Например, компания Alphabet разработала языковую модель BERT, которая используется в поисковой системе Google [Devlin et al., 2018], компания OpenAI разработала языковые модели GPT-2 [Radford et al., 2019] и GPT-3 [Brown, 2020], компания Yandex создала Томита-парсера для извлечения структурированной информации из текстовых данных на русском языке¹, Сбербанк подготовил русскоязычную адаптацию языковой модели GPT-3², и т.д.

Быстрое развитие области интеллектуального анализа текстовых данных открывает новые возможности для множества других областей научного знания, в частности для социологии. Ученые-социологи тесно взаимодействуют с текстовой информацией, причем как в рамках количественной исследовательской парадигмы (где числовые данные изначально были текстом — в виде анкетных вопросов, инструкций и ответов), так и в рамках качественной парадигмы. Поэтому использование и адаптация методов интеллектуального анализа текстовых данных в социологии представляется перспективным направлением для развития. Методы классификации при работе, например, с транскриптами интервью, можно использовать для определения, описания и сравнения разной тематики, практики описания каких-либо тем, выявления связи между ними и характеристиками информантов. Количественный анализ текстов способствует обогащению результатов работы исследователя, поможет обратить его внимание на ранее незамеченные факты, связи или закономерности. Дополнительная польза еще и в том, что появляется еще один, хотя и бездушный, участник процедуры триангуляции для разных этапов качественного исследования. Например, на этапе кодирования транскриптов интервью разными кодировщиками одним из кодировщиков может выступить компьютер, применив латентно-семантический анализ для тематического моделирования — выделения ключевых тем из анализируемых транскриптов с помощью статистических методов. Результат работы компьютера может быть соотнесен с темами, выделенными кодировщиками, послужив базой для дополнительной проверки кодов, полученных кодировщиками, а также предоставляя возможность дополнить их.

В этой статье мы покажем, как может быть реализован анализ текстовых данных и какие могут быть получены результаты с его помощью, на примере

¹ Об учебнике: Tomita Parser // GitHub. 30.05.2019. URL: <https://github.com/yandex/tomita-parser> (дата обращения: 22.05.2021).

² Сбер выложил русскоязычную модель GPT-3 Large с 760 миллионами параметров в открытый доступ // Хабр. 22.10.2020. URL: <https://habr.com/ru/company/sberbank/blog/524522/> (дата обращения: 22.05.2021).

прогнозирования возникновения частичных неотчетов в зависимости от формулировок анкетных вопросов. В рамках этой задачи мы сравниваем примененные методы и их результаты с помощью метрик качества — специальных коэффициентов, позволяющих оценить качество, с которым обученные данными методами модели могут хорошо угадывать частичный неотчет в зависимости от формулировки анкетного вопроса. Нами были использованы такие метрики, как правильность (accuracy), точность (precision), полнота (recall), F-мера (F1-score), а также рассмотрены матрицы ошибок для каждой из обученных моделей. Также мы посмотрим на сами полученные результаты — какие слова в анкетных вопросах, «по мнению» обученных моделей, связаны или не связаны с возникновением частичных неотчетов. В качестве данных выступили формулировки вопросов Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), использовавшиеся для проведения опросов с первой по девятую волны в Великобритании. Данный выбор был сделан в силу того, что компьютерные методы работы с англоязычными текстами на данный момент более разработаны, чем методы обработки русскоязычных текстов. Для сравнения были отобраны такие методы классификации, как случайный лес, наивный байесовский классификатор, дерево решений и логистическая регрессия. Оцифровка текстовых данных проводилась двумя методами: с помощью «мешка слов» [bag-of-words] (частота встречаемости слов) [Zhang et al., 2010] и метрики важности слов TF-IDF (term frequency — inverse document frequency) [Hirschberg, Manning, 2015]. Все это позволило нам сравнить методы классификации между собой и сформулировать на основе нашего примера некоторые рекомендации для исследователей, которые заинтересованы в применении интеллектуального анализа для своих текстовых данных в качественных исследованиях.

Методы классификации и способы их использования

Методы классификации — это совокупность методов, которые разделяют наблюдения на группы в соответствии с заранее известным критерием [Müller, Guido, 2016: 40]. К методам классификации относятся: деревья решений, наивный байесовский классификатор, случайный лес, бинарная логистическая регрессия и т. д. [Géron, 2019: 34]. Исследователь, планирующий работать с массивом транскриптов интервью, мог бы изучить с помощью методов классификации, например, какие слова или темы свойственны информантам разного пола, материального положения, возрастных групп, а также тональность затрагиваемых тем — любые характеристики информантов могут выступать в качестве зависимой переменной.

Предположим, у нас есть зависимая переменная, которая принимает два значения — назовем их классами. Мы обучили некую модель классификации, которая относит наблюдение к одному из этих классов. Процесс работы такой модели, а также насколько результат этой работы оказывается верным или неверным, можно отразить в удобной форме благодаря матрице ошибок

[Stehman, 1997: 81]. Матрица ошибок — это таблица, которую используют для того, чтобы показать качество работы модели классификации на тестовой подвыборке [Lee, 2019: 166] (пример матрицы ошибок см. ниже).

Таблица 1

Общее представление матрицы ошибок

		Предсказание класса моделью		Всего по строкам
		0	1	
Реальное значение класса	0	TN (True Negative)	FP (False Positive)	TN + FP
	1	FN (False Negative)	TP (True Positive)	TP + FN
Всего по столбцам		TN + FN	TP + FP	TN + TP + FN + FP

В строках матрицы ошибок располагаются реальные значения классов, а в столбцах — предсказанные какой-либо обученной моделью значения классов зависимой переменной [Müller, Guido, 2016: 280] для наблюдений. В случае текстового анализа в качестве наблюдений могут выступать отдельные слова, словосочетания или тексты (например, целые транскрипты интервью).

Рассмотрим значения в ячейках представленной матрицы (см. табл. 1). Истинно положительные и истинно отрицательные значения представляют собой наблюдения, чьи классы были верно предсказаны моделью классификации [Lee, 2019: 166]. Это могут быть слова из интервью, которые были отнесены обученной моделью к той категории, которая соответствует реальной категории этих слов.

Ложно положительные и ложно отрицательные значения представляют собой наблюдения, чьи реальный и предсказанный классы не совпали [Lee, 2019: 166]. Например, это слова из интервью, отнесенные обученной моделью к той категории, которая не соответствовала реальной категории этих слов.

Стоит оговориться, что слова «положительные» и «отрицательные» стоило бы писать в кавычках, так как имеется в виду не буквально положительное или отрицательное значение зависимой переменной у наблюдения, а, скорее, то значение, которое было закодировано исследователем как «1» или как «0» — то есть как принадлежность к одному из двух классов зависимой переменной. Содержательно «положительным» классом может быть что угодно, например, наличие выраженного одобрения экологических ценностей, наличие стремления бойкотировать выборы, наличие пропусков в анкетном вопросе, сформулированном определенным образом, и т.д. «Отрицательным» классом, соответственно, будет противоположный по смыслу класс: отсутствие выраженного одобрения экологических ценностей, отсутствие стремления бойкотировать выборы, отсутствие пропусков в анкетном вопросе, сформулированном определенным образом, и т.д.

Истинно положительные значения (TP) — это верно предсказанные «положительные» значения, то есть у соответствующего наблюдения реальное

значение равно единице, и эта же единица была предсказана по данному наблюдению обученной моделью классификации [Lee, 2019: 167]. Например, истинно положительным значением будет совпадение реального наличия частичного неответа и предсказания о наличии частичного неответа.

Истинно отрицательные значения (TN) — это верно предсказанные «отрицательные» значения, то есть у соответствующего наблюдения реальное значение равно нулю, и этот же ноль был предсказан по данному наблюдению обученной моделью классификации [Lee, 2019: 167]. Например, истинно отрицательным значением будет совпадение реального отсутствия частичного неответа и предсказания об отсутствии частичного неответа.

Ложноположительные значения (FP) — это неверно предсказанные «положительные» значения, то есть у соответствующего наблюдения реальное значение равно нулю, но обученная модель классификации предсказала единицу для данного наблюдения [Lee, 2019: 167]. Например, ложноположительным значением будет совпадение реального отсутствия частичного неответа и предсказания о наличии частичного неответа по тому же наблюдению. Ложноположительные значения также называют ошибкой первого рода [Kelleher et al., 2020: 538].

Ложноотрицательные значения (FN) — это неверно предсказанные «отрицательные» значения, то есть у соответствующего наблюдения реальное значение равно единице, но обученная модель классификации предсказала нулевое значение для данного наблюдения [Lee, 2019: 167]. Например, ложноотрицательным значением будет совпадение реального наличия частичного неответа и предсказания отсутствия частичного неответа по тому же наблюдению. Ложноотрицательные значения также называют ошибкой второго рода [Kelleher et al., 2020: 538].

Обученная модель классификации тем лучше, чем у большего числа наблюдений были верно предсказаны классы и чем меньше было совершено неверных предсказаний [Witten et al., 2011: 164]. В работе с массивом интервью исследователь может обращать внимание на то, много или мало было получено ложноотрицательных и ложноположительных предсказаний относительно истинно положительных и истинно отрицательных, чтобы оценить качество полученных результатов. Кроме того, такие ошибки может анализировать исследователь и уже самостоятельно корректировать. Например, такие формулировки можно определять как те, по которым нельзя однозначно сказать о какой-то классификации или отнести такие слова к определенному классу.

На основе матрицы ошибок могут быть рассчитаны также метрики качества обученной модели классификации — показатели, которые в числовой форме отражают, насколько хорошо способна предсказывать классы обученная модель, а также позволяют получить больше информации из полученной матрицы ошибок [Marsland, 2015: 23]. Такими метриками являются, например, правильность, точность, полнота, F-мера. Рассмотрим подробнее каждую из этих метрик.

Правильность — это сумма всех верных предсказаний, сделанных обученной моделью классификации, деленная на общее количество всех предсказаний, сделанных моделью [Powers, 2020: 3].

$$\text{Accuracy} = \frac{TP + TN}{TP + TN + FP + FN} \text{ [Lee, 2019: 168].}$$

Например, это будет доля верно определенных моделью предсказания слов, связанных с наличием и отсутствием частичного неответа у анкетного вопроса от общего числа всех предсказаний. Можно ли сказать, что чем выше это значение, тем лучшей предсказательной способностью обладает модель? Такое умозаключение будет не совсем корректным по следующей причине. Если, скажем, модель верно предсказывает в 99 случаях из 100 наличие признака и лишь в 5 случаях из 100 — его отсутствие, то значение правильности в первом случае будет равно 0,99, а во втором — 0,05. Получается, что правильность чувствительна к несбалансированному распределению наблюдений между классами. Поэтому не следует ограничиваться правильностью при оценке обученной модели [Lee, 2019: 168].

Таблица 2

Пример матрицы ошибок

Значения	0	1	Всего
0	5	95	100
1	1	99	100
Всего	6	194	200

Точность — доля истинно положительных предсказаний по отношению ко всем положительным предсказаниям, сделанных моделью [Lee, 2019: 168]. Например, какова доля наблюдений, верно помеченных моделью как связанных с появлением частичного неответа. Чем выше значение точности, тем ниже уровень ложноположительных предсказаний.

$$\text{Precision} = \frac{TP}{TP + FP} \text{ [Lee, 2019: 168].}$$

Полнота — доля истинно положительных предсказаний, сделанных моделью классификации, по отношению ко всем наблюдениям, относящимся к положительному классу [Lee, 2019: 168]. Например, из всех наблюдений, которые были помечены предсказательной моделью как связанные с появлением частичного неответа, какая доля действительно связана с частичными неответами? Чем выше значение полноты, тем ниже уровень ложноотрицательных предсказаний.

$$\text{Recall} = \frac{TP}{TP + FN} \text{ [Lee, 2019: 168].}$$

F1-мера — гармоническое среднее точности и полноты [Lee, 2019: 170], позволяет учитывать значения обеих метрик, уравнивая между собой величину ложноотрицательных и ложноположительных предсказаний, что делает данную метрику более устойчивой в случае несбалансированных классов [Müller, Guido, 2016: 284]. Гармоническое среднее используется вместо простого среднего арифметического, так как, в отличие от последнего, гармоническое среднее дает больший вес низким значениям, благодаря чему высокое значение F1 получит только та модель классификации, у которой одновременно были получены высокие значения и точности, и полноты [Géron, 2019: 92] (что является преимуществом в сравнении с метрикой правильности).

$$F1 \text{ score} = \frac{2 \times [Precision \times Recall]}{Precision + Recall} = \frac{2TP}{2TP + FN + FP} \text{ [Géron, 2019: 92].}$$

Рассмотрим понятия точности и полноты на примерах предсказания возникновения частичных неответов в связи с формулировками анкетных вопросов. В качестве положительного класса (1) принимаем наличие частичного неответа, а отсутствие частичного неответа — как отрицательный класс (0), тогда:

- Если коэффициент точности или полноты высокий, это значит, что большее количество формулировок вопросов, связанных с частичными неответами, и было определено моделью предсказания как связанное с частичными неответами.
- Если коэффициент точности низкий, то это означает, что большее количество формулировок вопросов, связанных с отсутствием частичного неответа, было определено предсказательной моделью как связанное с наличием частичного неответа.
- Если коэффициент полноты низкий, то это означает, что большее количество формулировок неответов, связанных с наличием частичного неответа, было определено предсказательной моделью как связанное с отсутствием частичного неответа.

Почему же, если F1 учитывает и точность, и полноту, не следует отказываться от двух последних метрик? Дело в том, что F1 отдает предпочтение моделям, обладающим примерно равными и достаточно высокими значениями точности и полноты. Тем не менее это не всегда то, что необходимо исследователю: в одном случае может быть важнее высокое значение точности, а в другом — высокое значение полноты [Géron, 2019: 93]. Так, если исследователь обучил модель классификации определять слова, которыми пользуются жертвы буллинга, то ему, скорее всего, будет важнее не упустить ни одного человека, который является такой жертвой (высокая полнота), чем по ошибке причислить к жертвам буллинга кого-то, кто таковым не является (низкая точность). Или, например, для другого исследователя, обучившего модель для определения слов, которыми пользуются при описании тех или иных тем в интервью мужчины, будет важно определить не столько все

слова, которыми пользуются именно мужчины (низкая полнота), сколько как можно более точно определить типичные для мужчин слова, при этом минимизировав ошибки и не относя к ним слова, более типичные для женщин (высокая точность).

Подготовка текстовых данных и их предварительный анализ

Собранные нами данные представляли собой полные формулировки заданных респондентам вопросов, объединенных с информацией о наличии и отсутствии трех типов частичного неответа: отказа от ответа, затруднения с ответом и отсутствием ответа. Аналогично массив с транскриптами интервью может быть объединен с информацией, по которой требуется классифицировать имеющиеся тексты.

Тем не менее в таком виде данные все еще требуют дополнительной подготовки для дальнейшего анализа. Текст в процессе обработки должен пройти два этапа: перевод из неструктурированного вида в структурированный вид и далее — перевод структурированных текстовых данных в цифровой формат. Текстовые данные как просто текст являются неструктурированными [Jurafsky, Martin, 2020: 327]. Что в данном случае подразумевается под отсутствием структуры? Безусловно, имеется в виду не та структура, которую мы обычно понимаем, когда говорим о каком-то тексте — его организации, которая помогает лучшему его усвоению читателями благодаря последовательному, понятному изложению мыслей автора, содержательной целостности текста. С точки зрения представления данных текст сам по себе является неструктурированным набором значений, не поддающимся количественному анализу. Чтобы сделать из текста именно текстовые данные, необходимо прибегнуть к дроблению текста на элементы (отдельные предложения, словосочетания или слова) с последующим объединением схожих элементов.

Каким же образом неструктурированный текст переводится в структурированный вид? Сначала проводится сегментация — разбиение текста на отдельные предложения и/или токенизация — разбиение текста на отдельные слова [Bird et al., 2009]. Далее все слова лемматизируются — приводятся к начальной форме, соответствующей той части речи, к которой они относятся. Например, для существительного начальной формой будет единственное число и именительный падеж, для глагола — неопределенная форма, для прилагательного — именительный падеж, единственное число и мужской род (примеры лемматизации см. в табл. 3). Вместо лемматизации может применяться стемминг — выделение основы слова или удаление у него окончания и суффикса [Jurafsky, Martin, 2020: 11]. И лемматизация, и стемминг позволяют разбить любой массив текстов (например, интервью) на отдельные слова, убирая несущественные для анализа различия между ними — в падежах, числе, формах, родах, временах и т. д.

Таблица 3

Примеры лемматизации и стемминга разных частей речи

Слово	Лемматизация	Стемминг
доверия	доверие	довер
проверялась	проверять	провер
печальных	печальный	печаль
trust	trust	trust
checked	check	check
mournful	mournful	mourn

После пролемматизированные слова проверяются с помощью списков стоп-слов, который содержит слова, которые не несут какой-либо смысловой нагрузки. В такие списки, как правило, входят предлоги, междометия, союзы, частицы [Bird et al., 2009: 236]. Список стоп-слов может быть дополнен и самостоятельно — например, исследователь может удалить ненужные ему метки, обозначающие реплики интервьюера и информанта.

Эти шаги позволяют привести текст к структурированному виду, чтобы далее перевести его в цифровой формат. В решении задачи прогнозирования появления частичных ответов на основе формулировок анкетных вопросов мы воспользовались уже ранее описанными [Александрова, 2021] методами оцифровки текстовых данных — «мешком слов» (bag-of-words) (частота встречаемости слов) [Zhang et al., 2010] и мерой важности слов TF-IDF (term frequency — inverse document frequency) [Hirschberg, Manning, 2015]. «Мешок слов» предполагает расчет количества раз, которое каждое слово встречалось в каждом из текстов корпуса [Vaayen, 2001]. Корпус текстов — это все текстовые данные исследователя, которые он планирует анализировать. Это могут быть транскрипты интервью, публикации в СМИ, социальных медиа и т. д. Так, расчет частоты встречаемости всех слов, которые есть в коллекции транскриптов интервью, будет представлять собой подсчет числа раз, которое каждое из слов встретилось в каждом из этих транскриптов. Таким образом, большим весом будут обладать те слова, которые использовались информантами чаще, и меньшим весом будут обладать редко упоминавшиеся слова. Соответственно, расчет частоты встречаемости слов может быть полезен для поиска каких-то общих для большинства интервью сюжетов, тем.

Мера важности слов TF-IDF учитывает частоту встречаемости каждого слова в одном тексте с учетом его частоты встречаемости во всех текстах корпуса [Evans, Aceves, 2016: 41]. Таким образом, при работе с транскриптами интервью, при расчете TF-IDF большим весом будут обладать те слова, которые как можно чаще упоминались в как можно меньшем числе транскриптов (то есть это слова, позволяющие увидеть, какими темами или описаниями одно интервью отличается от остальных), меньшим — слова, которые редко использовались в отдельно взятом интервью (то есть те, что мало информативны для описания именно этого интервью) или встречались во многих

имеющихся интервью, а самым низким весом будут обладать слова, присутствующие во всех интервью (т.е. те, что могут быть использованы для описания всех интервью в целом). Соответственно, расчет TF-IDF может быть полезен для поиска специфичных для отдельных интервью сюжетов, тем.

Данные методы перевода текстовых данных в цифровой формат уже использовались нами на формулировках анкетных вопросов исследования ESS в Великобритании в предыдущей работе, где была описана первая попытка обучения модели предсказания частичного неответа с использованием только метода наивного байесовского классификатора [Александрова, 2021]. Модели предсказания частичного неответа в зависимости от формулировок анкетных вопросов обучались как на основе рассчитанных частот встречаемости слов, так и на основе TF-IDF.

Предварительный анализ подготовленных нами данных дал следующие результаты. Распределение частичных неответов представлено в табл. 4. Выборка делилась на обучающую и тестовую в соотношении 70:30.

Таблица 4

Распределение разных типов частичных неответов в собранных данных

	Отказ от ответа	Затрудняюсь ответить	Отсутствие ответа
Частичного неответа нет	1012	191	1043
Частичный неответ есть	453	1274	422
Обучающая подвыборка	1025	1025	1025
Тестовая подвыборка	440	440	440

На обучающей подвыборке мы строили модели предсказания разных типов частичных неответов в зависимости от формулировок вопросов, а на тестовой подвыборке проверяли их — насколько хорошо они способны «угадывать» слова, содержащиеся в анкетных вопросах, на которые часть респондентов действительно не отвечали. Для обученных моделей рассчитывались коэффициенты метрик качества классификации, позволяющие оценить предсказательную способность данных моделей.

Деление на обучающую и тестовую подвыборки в текстовом анализе помогает исследователю проверить, можно ли доверять результатам, полученным с помощью обученной модели классификации, — действительно ли она видит различия между определенными словами и формулировками интервью или делает это случайным образом, либо эти результаты применимы к проанализированным интервью, но не могут быть использованы для какой-то экстраполяции.

Результаты обучения моделей прогнозирования частичных ответов

Для обучения моделей классификации, предсказывающих наличие или отсутствие частичного ответа, нами использовались методы дерева решений, логистической регрессии, наивного байесовского классификатора и случайного леса. Модели классификации обучались на частотах слов и на коэффициентах TF-IDF. Полученные модели сравнивались с помощью соотношения метрик качества для каждой из моделей. Наличие частичного ответа кодировалось как положительный класс (1), а его отсутствие — как отрицательный класс (0). В качестве частичных ответов выступали отказ от ответа, затруднение с ответом и отсутствие ответа.

Таблица 5

Матрица ошибок предсказания отказа от ответа, затруднения с ответом, отсутствия ответа для моделей, обученных с помощью дерева решений, наивного байесовского классификатора, случайного леса и логистической регрессии

	Отказ от ответа			Затруднение с ответом			Отсутствие ответа		
		0	1		0	1		0	1
Дерево решений									
	0	326	89	0	48	31	0	365	64
	1	97	74	1	81	426	1	73	84
Наивный Байесовский классификатор									
	0	393	22	0	26	53	0	324	105
	1	131	40	1	36	471	1	49	108
Случайный лес									
	0	315	100	0	48	31	0	324	105
	1	89	82	1	88	419	1	60	97
Логистическая регрессия									
	0	281	134	0	48	31	0	302	127
	1	75	96	1	81	426	1	49	108

Матрицы ошибок для обученных моделей классификации показаны в табл. 5. Наличие отказа от ответа лучше всего предсказывается моделью логистической регрессии (96 истинно положительных предсказаний), хуже всего — с помощью наивного байесовского классификатора (40 истинно положительных предсказаний). Соответственно, отсутствие отказа от ответа в зависимости от формулировки вопроса предсказывается лучше всего моделью

наивного байесовского классификатора (393 истинно отрицательных предсказаний) и хуже всего — логистической регрессией (281 истинно отрицательное предсказание). Наличие затруднения с ответом лучше всего предсказывается моделью наивного байесовского классификатора (471 истинно положительное предсказание). Отсутствие затруднений с ответом предсказывается одинаково почти всеми моделями, кроме модели наивного байесовского классификатора (26 истинно отрицательных предсказаний). Отсутствие ответа лучше всего предсказывается с помощью модели случайного леса и логистической регрессией (по 108 истинно положительных предсказаний), хуже всего — моделью дерева решений (84 истинно положительных предсказаний). Наличие ответа лучше предсказывалось с помощью дерева решений (365 истинно отрицательных предсказаний), и хуже себя показала модель логистической регрессии (302 истинно отрицательных предсказаний). Таким образом, изучение матриц ошибок позволяет предположить, что лучше показывали себя модели наивного байесовского классификатора и бинарной логистической регрессии. Но стоит учитывать, что зачастую лучшее предсказание одного класса приводит к ухудшению способности угадывать той же моделью другой класс. Поэтому, если необходимо одинаковое качество предсказаний и для наличия, и для отсутствия частичного неответа, то следует обратить внимание на модели дерева решений и случайного леса. Кроме того, можно заметить, что при дисбалансе классов модель наивного байесовского классификатора лучше работает с предсказанием более наполненного класса.

Ниже представлены результаты расчета метрик качества классификации (правильность, точность, полнота и F1) для обученных моделей дерева решений, наивного байесовского классификатора, бинарной логистической регрессии и случайного леса для предсказания возникновения разных типов частичного неответа, связанных с формулировками анкетных вопросов (см. табл. 6).

Таблица 6

Метрики качества предсказания отказа от ответа

Модель	Правильность	Точность	Полнота	F1
Отказ от ответа				
Дерево решений	0.683	0.678	0.683	0.680
Наивный байесовский классификатор	0.719	0.719	0.739	0.693
Случайный лес	0.677	0.684	0.677	0.680
Логистическая регрессия	0.643	0.681	0.643	0.656
Затруднение с ответом				
Дерево решений	0.809	0.857	0.809	0.827
Наивный байесовский классификатор	0.848	0.834	0.848	0.840
Случайный лес	0.797	0.853	0.797	0.818
Логистическая регрессия	0.809	0.857	0.809	0.827

Окончание табл. 6

Модель	Правильность	Точность	Полнота	F1
Отсутствие ответа				
Дерево решений	0.766	0.762	0.766	0.764
Наивный байесовский классификатор	0.737	0.772	0.737	0.748
Случайный лес	0.718	0.746	0.718	0.728
Логистическая регрессия	0.700	0.753	0.700	0.715

Из табл. 6 можно увидеть, что самым высоким качеством обладают модели, предсказывающие затруднение с ответом, хуже всего — отказ от ответа. Модели, обученные с помощью методов наивного байесовского классификатора, в целом показывают лучшее качество, чем модели, обученные методом случайного леса. Стоит отметить, что, хотя мы и пишем о различии моделей прогнозирования разных типов частичных неотчетов, обученных разными методами машинного обучения, тем не менее разница в качестве этих моделей не так уж и велика — самая большая разница в метриках качества составляет не более 0,06.

Таким образом, построив несколько моделей классификации, мы имеем возможность посмотреть, как хорошо они могут «угадывать» интересующие нас классы, а также сравнивать их между собой и, в зависимости от стоящих перед исследователем задач, выбирать наиболее подходящую модель.

Заключение

На примере решения задачи прогнозирования частичных неотчетов мы продемонстрировали, как может быть реализован анализ текстовых данных и как может происходить оценка результатов обучения моделей классификации на текстовых данных. Наше описание матриц ошибок и основанных на них метрик правильности, точности, полноты и F1-меры было адаптировано для лучшего понимания их пользы для текстового анализа в социальных науках, что позволило сформулировать рекомендации по решению задач классификации в текстовом анализе, а также увидеть, какие результаты могут быть получены на практике.

Мы описали особенности подготовки текстовых данных к дальнейшему анализу — с опорой на научную литературу совершили «перевод» описания основных этапов этой подготовки: преобразование неструктурированных текстов в структурированный вид (сегментация, токенизация, лемматизация и стемминг, удаление стоп-слов) и последующая оцифровка уже структурированных текстовых данных (методы «мешка слов» и TF-IDF) на «язык» текстового анализа социологического исследования, а также приводим рассуждения о том, в каком случае какие процедуры могут быть полезны для социолога-исследователя.

Опираясь на проведенное исследование, мы можем сделать вывод, что если исследователю важна общая доля всех верных предсказаний в его текстовом анализе, то лучше использовать метрику F1. Если же планируется,

например, как можно более полно описать какой-то один класс, то нужно искать модель с самым высоким значением полноты. А если исследователю не так важна полнота описания определенного класса, но есть задача сделать это описание более точным (то есть как можно реже вносить в описание интересующего класса не относящиеся к нему элементы), то выбор следует остановить на модели с самым высоким значением точности.

Литература

Александрова М. Ю. Методы машинного обучения в социологическом исследовании: предсказание частичного неответа с использованием наивного байесовского классификатора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 329–350. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1756>

Baayen R. H. Word Frequency Distributions. Dordrecht: Springer, 2001. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-010-0844-0>

Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python: Analyzing Text with the Natural Language Toolkit. Sebastopol: O'Reilly Media, 2009.

Brown T. B. et al. Language Models Are Few-Shot Learner. 2020. URL: <https://arxiv.org/pdf/2005.14165.pdf> (дата обращения: 22.05.2021).

Devlin J. et al. BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. 2018. URL: <https://arxiv.org/pdf/1810.04805.pdf> (дата обращения: 22.05.2021).

Evans J. A., Aceves P. Machine Translation: Mining Text for Social Theory // Annual Review of Sociology. 2016. № 42. P. 21–50. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081715-074206>

Géron A. Hands-On Machine Learning with Scikit-Learn, Keras, and TensorFlow: Concepts, Tools, and Techniques to Build Intelligent Systems. Sebastopol: O'Reilly Media, 2019.

Hirschberg J., Manning C. D. Advances in Natural Language Processing // Science. 2015. Vol. 349. № 6245. P. 261–266. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aaa8685>

Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing (3rd ed. draft). 2020. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/> (дата обращения: 20.05.2021).

Kelleher J. D., Mac Namee B., D'arcy A. Fundamentals of Machine Learning for Predictive Data Analytics: Algorithms, Worked Examples, and Case Studies. Cambridge: MIT Press, 2020.

LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. Deep Learning // Nature. 2015. Vol. 521. № 7553. P. 436–444. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14539>

Lee W. M. Python Machine Learning. Indianapolis: John Wiley & Sons, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119557500>

Marsland S. Machine Learning: An Algorithmic Perspective. Boca Raton: CRC Press, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1201/b17476>

Mikolov T. et al. Advances in Pre-Training Distributed Word Representations. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1712.09405.pdf> (дата обращения: 22.05.2021).

Müller A. C., Guido S. Introduction to Machine Learning with Python: A Guide for Data Scientists. Sebastopol: O'Reilly Media, 2016.

Powers D. M. W. Evaluation: From Precision, Recall and F-Measure to ROC, Informedness, Markedness and Correlation. 2020. URL: <https://arxiv.org/pdf/2010.16061.pdf> (дата обращения: 22.05.2021).

Radford A. et al. Language Models Are Unsupervised Multitask Learners // OpenAI blog. 2019. Vol. 1. № 8. URL: <http://www.persagen.com/files/misc/radford2019language.pdf> (дата обращения: 22.05.2021).

Stehman S. V. Selecting and Interpreting Measures of Thematic Classification Accuracy // Remote Sensing of Environment. 1997. Vol. 62. № 1. P. 77–89. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0034-4257\(97\)00083-7](https://doi.org/10.1016/s0034-4257(97)00083-7)

Witten I., Frank E., Hall M. Data Mining: Practical Machine Learning Tools and Techniques. Burlington: Morgan Kaufmann, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2009-0-19715-5>

Zhang Y., Jin R., Zhou Z.H. Understanding Bag-of-Words Model: A Statistical Framework // International Journal of Machine Learning and Cybernetics. 2010. № 1. P. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13042-010-0001-0>

Сведения об авторе:

Александрова Марина Юрьевна — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** myaleksandrova@hse.ru; **ПИНЦ Author ID:** 1112564; **ORCID ID:** 0000-0002-7683-7750; **ResearcherID:** T-9377-2017.

Статья поступила в редакцию: 04.05.2021

Принята к публикации: 10.06.2021

Methods for Classification of Text Data: Can the Potential of Quantitative Analysis Be Applied to Qualitative Research?

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.5

Marina Yu. Aleksandrova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: myaleksandrova@hse.ru

Text mining has developed rapidly in recent years. In this article we compare classification methods that are suitable for solving problems of predicting item nonresponse. The author builds reasoning about how the analysis of textual data can be implemented in a wider research field based on this material. The author considers a number of metrics adapted for textual analysis in the social sciences: accuracy, precision, recall, F1-score, and gives examples that can help a sociologist figure out which of them is worth paying attention depending on the task at hand (classify text data with equal accuracy, or more fully describe one of the classes of interest). The article proposes an analysis of results obtained by analyzing texts based on the materials of the European Social Survey (ESS).

Keywords: text data; text mining; text analysis; Naive Bayes classifier; binary logistic regression; decision tree; random decision forest; item nonresponse

References

Aleksandrova M. Yu. (2021) Metody mashinnogo obucheniya v sociologicheskom issledovanii: predskazanie chastichnogo neotveta s ispol'zovaniem naivnogo bajesovskogo klassifikatora [Machine Learning in Social Research: Predicting Item Nonresponse Error Using Naive Bayes Classifier]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1. P. 329–350. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1756>

- Baayen R. H. (2001) *Word Frequency Distributions*. Dordrecht: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-010-0844-0>
- Bird S., Klein E., Loper E. (2009) *Natural Language Processing with Python: Analyzing Text with the Natural Language Toolkit*. Sebastopol: O'Reilly Media.
- Brown T. B. et al. (2020) *Language Models Are Few-Shot Learner*. URL: <https://arxiv.org/pdf/2005.14165.pdf> (accessed 22 May 2021).
- Devlin J. et al. (2018) *BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1810.04805.pdf> (accessed 22 May 2021).
- Evans J. A., Aceves P. (2016) Machine Translation: Mining Text for Social Theory. *Annual Review of Sociology*. No. 42. P. 21–50. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081715-074206>
- Géron A. (2019) *Hands-On Machine Learning with Scikit-Learn, Keras, and TensorFlow: Concepts, Tools, and Techniques to Build Intelligent Systems*. Sebastopol: O'Reilly Media.
- Hirschberg J., Manning C. D. (2015) Advances in Natural Language Processing. *Science*. Vol. 349. No. 6245. P. 261–266. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aaa8685>
- Jurafsky D., Martin J. H. (2020) *Speech and Language Processing (3rd ed. draft)*. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/> (accessed 20 May 2021).
- Kelleher J. D., Mac Namee B., D'arcy A. (2020) *Fundamentals of Machine Learning for Predictive Data Analytics: Algorithms, Worked Examples, and Case Studies*. Cambridge: MIT Press.
- LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. (2015) Deep Learning. *Nature*. Vol. 521. No. 7553. P. 436–444. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14539>
- Lee W. M. (2019) *Python Machine Learning*. Indianapolis: John Wiley & Sons. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119557500>
- Marsland S. (2015) *Machine Learning: An Algorithmic Perspective*. Boca Raton: CRC Press. DOI: <https://doi.org/10.1201/b17476>
- Mikolov T. et al. (2017) *Advances in Pre-Training Distributed Word Representations*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1712.09405.pdf> (accessed 22 May 2021).
- Müller A. C., Guido S. (2016) *Introduction to Machine Learning with Python: A Guide for Data Scientists*. Sebastopol: O'Reilly Media.
- Powers D. M. W. (2020) *Evaluation: From Precision, Recall and F-Measure to ROC, Informedness, Markedness and Correlation*. URL: <https://arxiv.org/pdf/2010.16061.pdf> (accessed 22 May 2021).
- Radford A. et al. (2019) Language Models Are Unsupervised Multitask Learners. *OpenAI blog*. Vol. 1. No. 8. URL: <http://www.persagen.com/files/misc/radford2019language.pdf> (accessed 22 May 2021).
- Stehman S. V. (1997) Selecting and Interpreting Measures of Thematic Classification Accuracy. *Remote Sensing of Environment*. Vol. 62. No. 1. P. 77–89. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0034-4257\(97\)00083-7](https://doi.org/10.1016/s0034-4257(97)00083-7)
- Witten I., Frank E., Hall M. (2011) *Data Mining: Practical Machine Learning Tools and Techniques*. Burlington: Morgan Kaufmann. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2009-0-19715-5>
- Zhang Y., Jin R., Zhou Z. H. (2010) Understanding Bag-of-Words Model: A Statistical Framework. *International Journal of Machine Learning and Cybernetics*. No. 1. P. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13042-010-0001-0>

Author bio:

Marina Yu. Aleksandrova — Trainee Researcher, International Laboratory for Social Integration Research; Lecturer, Department of Sociological Research Methods, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** myaleksandrova@hse.ru; **RSCI Author ID:** 1112564; **ORCID ID:** 0000-0002-7683-7750; **ResearcherID:** T-9377-2017.

Received: 04.05.2021
Accepted: 10.06.2021

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

ИНТЕР-энциклопедия: биографическая прогулка

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.6

Ссылка для цитирования:

Стрельникова А. В. ИНТЕР-энциклопедия: биографическая прогулка // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 97–100. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.6>

For citation:

Strelnikova A. V. (2021) INTER-Encyclopedia: Biographical Walking. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 97–100. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.6>

Стрельникова Анна Владимировна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: astrelnikova@hse.ru

Данная статья пополняет рубрику «ИНТЕР-энциклопедия» описанием метода «биографическая прогулка», позволяющего соотнести пространственные практики с сюжетами биографии, а также активизировать воспоминания информанта.

Ключевые слова: качественные методы; биографическая прогулка; go along; мобильные методы

Биографическая прогулка — метод сбора данных, в котором особым образом комбинируются биографическое интервью, наблюдение и мобильность: после проведения традиционного интервью проводится интервью в движении, во время прогулки, одна из целей которой — «прожить» заново жизненные сюжеты, связанные с перемещениями в этом пространстве в прошлом [Стрельникова, 2012: 53–61, 140–158]. Метод появился как экспериментальный примерно в 2007 году (см.: [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 126–128]), при этом его можно соотнести с различными классификациями, которые формировались параллельно или позднее: например, биографическую прогулку можно считать мобильным методом [Запорожец, 2017], разновидностью пешеходного интервью или go along [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019].

В биографической прогулке задача первичного интервью совпадает с задачей биографического интервью как метода (реконструкция истории жизни,

структурирование мемориального багажа) [Рождественская, 2012], однако в данном случае исследователю предлагается не останавливаться, а использовать полученные данные как стартовую точку для дальнейшего погружения в жизненный мир информанта. Для этого в конце первичного интервью задаются вопросы о местах в городе, имеющих особое значение для информанта, о любимых городских маршрутах в прошлом и настоящем. Затем предлагается совершить совместную прогулку по одному из выбранных маршрутов (не обязательно в тот же день, что и первичное интервью). Поэтапность сбора данных позволяет дополнить первичное биографическое интервью включенным наблюдением в относительно естественной ситуации (во время прогулки), а также провести интервью в движении, иницилируя рассказ о том, что вспоминается на ходу, о событиях биографии, прямо или косвенно связанных с городским пространством. Тем самым, благодаря изменению формата коммуникации и самой ситуации, в которой обсуждаются события жизни, ожидается активизация воспоминаний информанта.

Для исследователя маршрут прогулки можно представить как комбинацию «узлов» (поворотных точек, перед которыми совершается остановка) и «путей» (отрезков непрерывного движения в одном направлении). Можно использовать и более детализированный разбор маршрута, картографируя совместную мобильность в деталях, фиксируя изменение скорости перемещения, изменение первоначального маршрута, акценты и контексты рассказа в привязке к показу тех или иных объектов и мест. Н. Веселкова, М. Вандышев, Е. Прямикова предлагают в анализе пешеходных интервью учитывать начальную точку и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места и конечный пункт [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019: 8], добавляя, что драматургия маршрута отражает локальную компетентность информанта. В любом случае, содержательно прогулка является осмыслением «повседневных пространственных практик и тех жизненных траекторий, которые вычерчиваются с течением времени при регулярном воспроизводстве этих практик» [Стрельникова, 2012: 27].

По моему опыту, информанты с готовностью гуляют вместе с исследователем, при этом пространство подталкивает к воспоминаниям и рассказам в том числе о сензитивных сюжетах биографии. В результате интервью получают более доверительными за счет совместной деятельности (прогулки) исследователя и информанта в привычном повседневном контексте, что можно назвать общей характеристикой совместных перемещений (*go along* [Kusenbach, 2017]), а также дают биографический импульс благодаря визиту в значимые для информанта места, что можно назвать особенностью биографической прогулки как метода [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 126–128]. В биографической прогулке движение, время и пространство выступают в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, то есть не только рассказ информанта, но и пространство, и движение являются взаимодополняющими элементами исследования.

Первые биографические прогулки проводились мной и моими студентами в те годы, когда еще не было многообразия цифровых гаджетов, смартфонов и доступного интернета. Фиксация данных проводилась на диктофон и в дневник наблюдения (частично — на ходу, частично — позднее, по памяти).

Современный исследователь может активно использовать всевозможные цифровые гаджеты, в том числе и при проведении интервью в движении: вести видеозапись прогулок на смартфон или мобильную камеру, фиксировать маршруты прогулок в мобильных приложениях и затем выгружать их как картографическую подложку для дальнейшего анализа, добавляя туда информацию, важную для конкретной исследовательской задачи, формируя многомерные карты [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 164–166].

Эмоциональная привязанность к месту, значимому в прошлом, дает информанту биографический импульс, насыщает конструируемую историю жизни привязками к пространственным практикам. Кроме того, и сам исследователь получает возможность естественной включенности в изучаемые жизненные миры. По мнению исследователей, практикующих интервью в движении, «после него обычные «сидячие» разговоры кажутся скучноватыми, в них явно чего-то не хватает» [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019: 6]. Поэтому биографическая прогулка является не просто взаимодополнением биографического интервью и включенного наблюдения, но скорее переопределением формата работы с воспоминаниями и восприятием повседневности, а также расширением эмоционально-сенсорного спектра данных, как получаемых от информанта, так и проживаемых самим исследователем.

Литература

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. No 4. С. 4–21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Запорожец О. Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. Т. 44.С. 37–72.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Стрельникова А. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.

Kusenbach M. Go-alongs. The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection. Ed. by U. Flick. London, etc.: Sage, 2017. P. 344–361. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n22>

Сведения об авторе:

Стрельникова Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:**; **РИНЦ Author ID:** 7375-9818; **ORCID ID:** 0000-0003-1131-4358; **ResearcherID:** K-2789-2015.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2021

Принята к публикации: 06.06.2021

.....

INTER-Encyclopedia: Biographical Walking

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.6

Anna V. Strelnikova

*Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Department of Sociological Research Methods,
HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: astrelnikova@hse.ru*

This article supplements the section “INTER-encyclopedia” with a description of the “biographical walk” method. This method makes it possible to analyze spatial practices along with the plots of the biography, and also helps to activate the memories of the informant.

Keywords: qualitative methods; biographical walking; go along; mobile methods

References

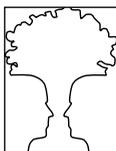
- Kusenbach M. (2017) Go-alongs. In: *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. Ed. by U. Flick. London, etc.: Sage. P. 344–361. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n22>
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012). *Biographical method in sociology*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Strelnikova A. (2012). *Sociology of the city: spatial practices and life trajectories*. Moscow: Trovant. (In Russ.)
- Vanke A.V., Polukhina E.V., Strelnikova A.V. (2020) *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in Qualitative Field Research]. M.: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>
- Veselkova N.V., Vandyshev M.N., Pryamikova E.V. (2019) “Go-along” interview: its structure and genres. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4–21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>
- Zaporozhets O.N. (2017) “Mobile Methods”: studying life in motion. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. Vol. 44. P. 37–72. (In Russ.)

Author bio:

Anna V. Strelnikova — Candidate of Sociology, Associate professor, HSE University, Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** astrelnikova@hse.ru; **RSCI Author ID:** 7375-9818; **ORCID ID:** 0000-0003-1131-4358; **ResearcherID:** K-2789-2015.

Received: 20.04.2021

Accepted: 06.06.2021

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2021. Том 13. № 2

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Анастасия Дмитриевна Говорова

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com